

Дарья Донцова

Микстура от Косоглазия

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Микстура от косоглазия

«ЭКСМО»

2003

Донцова Д. А.

Микстура от косоглазия / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2003 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

ISBN 5-699-02504-9

Вы бывали когда-нибудь в морге? Надеюсь, что нет! А вот мне, Виоле Таракановой, пришлось посетить сие заведение в ходе очередного расследования. В погоне за сюжетом для своего нового детектива чего только не сделаешь. А началось все очень прозаично: как-то по дороге с рынка я заскочила в секонд-хенд и купила себе новую белую куртку с биркой. Придя домой, я обнаружила за подкладкой паспорт на имя Ани Кузовкиной. Я очень удивилась! Чтобы вернуть удостоверение личности, я поехала по указанному адресу. Дверь открыла пожилая женщина. Увидев меня, она тут же упала в обморок. Оказывается, Аня пропала год назад. Я решила все выяснить, для чего и вернулась в секонд-хенд. Поиски привели меня в... угадали, именно в морг... Хотите узнать, чем дело кончилось? Тогда купите мой новый детектив. Удовольствие вам гарантировано!

ISBN 5-699-02504-9

© Донцова Д. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7	40
ГЛАВА 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дарья Донцова

Микстура от косоглазия

ГЛАВА 1

Если вы, укладываясь спать, абсолютно уверены, что следующий день пройдет просто замечательно, то, как правило, прогноз сбывается с точностью до наоборот. Во всяком случае, у меня так бывает часто.

Первое декабря я собралась посвятить домашним хлопотам: сходить за продуктами, постирать уже не вмещающееся в бачке белье, наконец-то разобрать шкаф Олега, а потом с приятным чувством выполненного долга плюхнуться на диван и уставиться в телевизор. День обещал быть хорошим еще и потому, что все члены нашей шумной семьи намеревались уйти из дома не позже восьми утра. Томочка должна была отвезти на прививку Никитку, Сеню поджидал в девять какой-то особо выгодный рекламодатель, Кристинка, естественно, отправлялась в школу, а Олег на работу. Только не подумайте, что я не люблю домашних, нет, мы живем довольно дружно, в просторной квартире, но остаться в одиночестве – это очень большая удача, которая выпадает мне крайне редко. А я так люблю проснуться с осознанием того, что дома никого нет, и пойти в ванную, не натягивая халат. Как правило, мне приходится одеваться, своего мужа Олега и Томочки я не стесняюсь, но Сеня-то не мой супруг, а Тамарин. И хотя нас связывает крепкая дружба, халат – обязательное условие.

Но сегодня можно было идти умываться в negligé. Я откинула одеяло и мигом схватила байковый халат. Ну и холод! Олег опять открыл форточку нараспашку. Ежась от ледяного ветра, я захлопнула ее и пошлепала по коридору, отличное настроение вдруг куда-то улетучилось.

Следующая неудача подстерегала меня за завтраком. Налив кофе, я взяла сахарницу, и в тот же миг она, невзвест как вырвавшись из рук, шлепнулась на пол, мгновенно превратившись в грудку красных осколков.

Тот, кто хоть один раз собирал с пола рассыпанный сахарный песок, поймет, как я обозлилась! Сколько ни маши веником, сколько ни три пол тряпкой, все равно ноги будут прилипать к полу.

Затем от зимних сапог отвалился каблук. Эту неудачу я попыталась пережить стоически и даже провела сама с собой сеанс психотерапии.

«Ничего, Вилка, – бормотала я, вертя в руках испорченную обувь, – это абсолютная ерунда, давно пора выбросить опорки на помойку, не стоит расстраиваться, можно взять сапожки Кристи, те, которые стали ей малы».

Сказано – сделано. Я слезила на антресоли, вытащила коробку, вынула замшевые «скоороходы» и приободрилась: конечно, они мне велики, Кристя носит теперь сороковой размер, но ведь намного хуже было бы, имей девочка, допустим, тридцать четвертый, вот тогда шансов надеть сапоги просто бы не осталось.

Наконец, преодолев все трудности, я очутилась в магазине и начала бросать в тележку необходимые продукты. Медленно двигаясь между рядов с банками и пачками, я добралась до отдела, где торговали сыром и колбасой. Тут товар отпускала продавщица, приятная, веселая тетка лет сорока.

– Что желаем? – ласково пропела она. – Душа чего просит?

– Скорей желудок, – улыбнулась я.

– Теперь, слава богу, себя порадовать можно, – охотно поддержала диалог торговка, – всего навалом.

– Дайте граммов триста сыра.

– Какого?

Я уставилась на витрину. Сегодня, когда дефицита продуктов нет и в помине, основная сложность – выбрать из моря предлагаемого товара нужный. А это сделать порой непросто. Ну какая, скажите, разница, между «Радамером», «Маасдамом» и «Дамталером»? На вид совершенно одинаковые круги с большими дырками, и цена у них одна и та же.

– Мне, наверное, – начала я и взвизгнула: – Ой, мама!

– Что случилось?

– У вас там мышь! – взвыла я.

– Где?

– В витрине! Вон смотрите, сидит и ест сыр.

– Какой?

Вопрос слегка удивил меня. Ее что, интересует сорт сыра, который предпочитает грызун?

– Ну, кажется, «Ольтерман», – дрожащим голосом ответила я.

Если я чего и боюсь, так это совершенно безобидных мышей.

– Вот зараза, – с чувством воскликнула продавщица, – разбирается, дрянь серая, небось на «Атлет» не села, к «Ольтерману» подобралась. Ну, ща тебе мало не покажется!

С этими словами она исчезла в подсобке. Мы с грызуном остались тет-а-тет. Мышь как ни в чем не бывало быстро-быстро жевала лакомство, изредка приподнимая остренькую мордочку, я же просто оцепенела, вцепившись в тележку.

Через секунду появилась продавщица, неся огромного рыжего котяру.

– Ну-ка, Василий, – сурово произнесла она, зашвыривая кота в витрину, – начинай!

Я просто одеревенела. Сейчас усатый разбойник разорвет мышку! Но Василий спокойно обвел взглядом пространство, затем фыркнул, сел задом на сосиски, зевнул и преспокойно откусил от батона «Докторской» колбасы. Теперь в витрине обедало двое: справа – мышка, слева

– кот.

– Ах ты паразит! – завопила продавщица. – Мышей уже не жрешь! Зря только кормим бездельника! И ведь что интересно...

– Что? – машинально поинтересовалась я.

– Да тут много чего лежит, – задумчиво протянула она, – говядина запеченная, буженина, окорок, курочка копченая... Все вроде бы натуральное, отчего же Ваську на вареную колбасу повело, а? Понимаешь?

– Нет, – откровенно призналась я.

– Животное-то не обмануть, – вздохнула продавщица, – небось в этих натуральных кусках одни консерванты, а в «Докторской» ничего такого и в помине нет! Вот Василий и жрет! Давно заметила, он продукцию Таганского мясокомбината предпочитает, Останкинский даже не тронет. Надо мне самой этой колбаски домой прихватить, той, что Васька обжевал, небось она самая свежая!

С этими словами продавщица выдернула кота из витрины, вытащила батон «Докторской», отрезала обкусанную часть и быстро сунула в прилавок. Василий развалился у весов и начал степенно умываться. Мышь, очевидно, наевшись до икоты, шмыгнула куда-то в глубь витрины.

– Так какой сыр вешать станем? – Торговка приступила к выполнению профессиональных обязанностей.

Я в задумчивости посмотрела на обгрызенный «Ольтерман». Интересно, почему именно этот сорт привлек мышь? Права продавщица, животное не обмануть.

– Мне вон тот кусок, который мышка ела, – отважно решила я, – только обкусанный краешек отрежьте!

– Конечно, – улыбнулась продавщица и шмякнула желтый кругляш на весы.

С туго набитыми пакетами я вышла из магазина. Улица, которая ведет от метро к нашему дому, достаточно оживленная, буквально на каждом шагу тут находятся всевозможные торговые точки, правда крохотные: «Канцтовары», «Конфеты», «Все для дома», «Счастье рыбакова»... Я остановилась, передохнула и двинулась дальше. Сейчас будет кафе «Плюшка», и я сверну налево. Но что это? Вместо оранжевой вывески с черными буквами над кофейней висела другая табличка, голубая. «Эксклюзивный секонд-хенд». Значит, «Плюшка» разорилась, что, в общем, вполне объяснимо. Один раз я заглянула туда и была поражена: крошечное пирожное стоило триста рублей, а за чашечку капуччино просили почти полтысячи. А теперь здесь торгуют подержанным шмотьем. Я снова остановилась, опустила сумки на ступеньки и вздохнула. Надо же, «Эксклюзивный секонд-хенд», очень смешно звучит, вроде как «Самые вкусные объедки». Внезапно дверь распахнулась, из проема высунулся растрепанный мальчишка.

– Заходите, не стесняйтесь, мы только сегодня открылись! Ну, идите, по случаю первого дня работы скидка сорок процентов.

Не понимая зачем, я шагнула внутрь и очутилась в помещении, где на вешалках висело огромное количество одежды.

– Чего хотите? – суетился паренек. – Верхнее, нижнее? Куртку?

– Куртку можно, – пробормотала я, – с капюшоном, теплую, но легкую.

– Сюда. – Юноша начал подталкивать меня в глубь лавки. – Вот, гляньте.

Быстрым движением он выхватил вешалку с мрачной, бордовой курткой.

– Классная вещь, немаркая.

Я поморщилась.

– Очень темная.

– Тогда берите эту!

В руках продавца оказалась кислотно-розовая куртка, похожая на одеяние для гигантской Барби.

– Спасибо, – вздохнула я.

Совершенно зря я зарулила в эту лавку со старьем, хотя я несправедлива. Вещи выглядят совершенно новыми, большинство украшено бирками.

– Может, такая подойдет? – выкрикнул мальчишка.

Я подняла глаза и ахнула. Парнишка держал в руках мою мечту. Снежно-белая, слегка приталенная куртка с меховым воротником из песца. Неделю назад я, пробегая по Тверской, увидела в витрине одного бутика потрясающую вещь, ноги сами внесли меня в магазин, но уже через секунду я с выпученными глазами вылетела наружу. Очень красивая курточка стоила почти тысячу долларов. Пришлось уйти, бормоча себе под нос:

– Ну и не очень-то хотелось! Подумаешь! Кому нужна белая верхняя одежда! Это же каждый день стирать придется!

– Смотрите, какая элегантная! – частил мальчишка, дуя на воротник. – Мех натуральный, воротничок отстегивается, подкладка тоже, верх в машине стирается...

– И сколько? – робко поинтересовалась я.

– Тысячу рублей.

– Сколько? – подскочила я.

– Это без скидки, – мигом засуетился продавец, – вам она сегодня всего в шестьсот обойдется! Ладно, как самому первому покупателю за пятьсот отдам!

Я надела куртку и подошла к зеркалу. Сидит изумительно и выглядит точь-в-точь как та, из бутика.

– Странно, однако...

– Что? – подлетел ко мне мальчишка.

– Мерила похожую в магазине на Тверской, там она тоже стоила тысячу, только долларов!
Юноша засмеялся:

– Да они небось берут вещи в одном месте с нами!

– А где?

– Крупные универмаги Европы не хранят прошлогодние модели, предпочитают их продавать за бесценок, вот дорогие магазины в Москве этим и пользуются. Купят за двадцать баксов, а лохам впаривают за две тысячи «зеленых», и ведь их покупают. А мы честные, людей не обманываем!

– Значит, здесь все вещи новые?

– Конечно, видите бирочки? И потом, мы называемся «Эксклюзивный секонд-хенд», значит, нашими дилерами отобрано самое лучшее! Берете?

Я кивнула, чувствуя себя совершенно счастливой. Вот это удача, нет, не зря мне казалось, что день пройдет отлично!

Дома я мигом нацепила курточку и принялась вертеться перед зеркалом. Да, это то, что надо, как раз по погоде. В шубе еще жарко, а в кожаном полупальто уже холодно. И как сидит! Тут четыре кармана! И подкладка отстегивается!

Переполненная радостью, я принялась исследовать обновку. Вот что значит настоящая, фирменная вещь! Как все здорово продумано, и очень хорошо, что подстежка прикрепляется при помощи кнопок, потому как «молния» имеет обыкновение заедать.

В ажиотаже я отстегнула слой чего-то толстого и теплого и пришла в еще больший восторг. Значит, курточка многофункциональна, летом ее можно использовать как ветровку на тоненькой шелковой подкладочке, вон даже кармашки еще есть, внутренние.

Я нацепила куртку без подстежки и вновь завертелась перед зеркалом. Какая шмотка! Всего за пятьсот рублей! Ни разу в жизни мне еще так не везло. Тут пальцы нащупали что-то прямоугольное, небольшое, довольно твердое. Я похлопала себя по бокам, потом полезла в карман и обнаружила в нем довольно большую дырку. «Нечто», очевидно, провалилось между верхом и подкладкой. Я попыталась вытащить это, ровно через секунду в моих руках оказалась тоненькая бордовая книжечка. Паспорт! Я машинально открыла его. Кузовкина Анна Филипповна. С фотографии смотрела круглощекая девица с испуганными глазами. Волосы ее, похоже русые, торчали дыбом. Родилась Анна Филипповна в 80-м году и имела постоянную московскую прописку. Я слегка удивилась: ей всего ничего лет, а выглядит как матрона. И как, скажите на милость, паспорт попал в мою куртку? Напрашивалось только одно объяснение: Анна Филипповна, очевидно, до меня мерила эту вещь и не купила ее. Зачем она положила в карман паспорт? А фиг ее знает! Документ провалился за подкладку да так и остался там. Пока на куртке была пристегнута толстая подстежка, паспорт не прощупывался, но я отстегнула утепление и сквозь тоненький шелк мигом его обнаружила.

И как поступить? Отнести паспорт в секонд-хенд? Я тяжело вздохнула и стала пристегивать подкладку. Один раз я потеряла паспорт и помню, какую кучу неприятностей получила потом. Делать нечего, придется ехать к этой Маше-растеряше, хорошо хоть она живет не так далеко, возле метро «Динамо». Надеюсь, кто-нибудь окажется дома. Впрочем, если никого не будет, тоже не беда, опущу паспорт в почтовый ящик, а заодно и обновлю курточку.

До нужной станции метро я добралась без всяких приключений, тут же вскочила в подошедшее маршрутное такси и вскоре стояла перед мрачным, серым домом, построенным в середине пятидесятых годов двадцатого века.

Подъезд оказался огромным, а лифт допотопным. Кабина скользила внутри шахты, огражденной сеткой. Двери следовало открывать и закрывать самой. Я побоялась пользоваться этим чудом техники и пошла на пятый этаж пешком.

Дверь в нужную мне квартиру выглядела обшарпанной – простая деревянная створка без всякой обивки. «Глазок» тоже отсутствовал.

Я стояла на половичке, слушая, как внутри помещения звенит звонок. Что ж, понятно, никого нет. На часах ровно три, в это время люди, как правило, либо на работе, либо на учебе. Ладно, пойду положу документ в почтовый ящик.

Но не успела я сделать шага, как щелкнул замок, и на пороге появилась довольно полная женщина. Секунду она, растерянно моргая, смотрела на меня, потом вытянула вперед руки и, воскликнув: «Ах!» – потеряла сознание и упала навзничь.

Я перепугалась и кинулась к ней. Поднять ее многокилограммовую тушу было практически невозможно. Я бросилась к соседней двери и принялась жать на звонок.

– Кто там такой нетерпеливый? – раздался голос, и на лестницу вышла девушка лет двадцати пяти.

Увидав меня, она сначала вскрикнула, отшатнулась, но потом, перекрестившись, спросила:

– Вы кто?

– Виола. Помогите мне, пожалуйста.

– Что случилось? – тихо спросила девушка.

– Пришла к вашей соседке, а та открыла мне дверь и упала в обморок.

Девушка выскользнула на лестничную клетку и вбежала в квартиру Кузовкиной.

– Елена Тимофеевна! Вам плохо?

– М-мм, – застонала женщина, пытаясь сесть. – Анечка, там Анечка... Кто здесь? Кто?

– Это я, Лиза, – ответила девушка, – не узнали меня?

– Лизочка! – пробормотала Елена Тимофеевна. – Там Анечка! Господи, вернулась!

Лиза посмотрела на меня, потом тихо сказала:

– Сними куртку, брось ее ко мне в прихожую и помоги поднять Елену Тимофеевну.

Я не поняла, зачем, для того чтобы помочь встать упавшей тетке, нужно снять верхнюю одежду, но не стала спорить. Кое-как мы с Лизой проволокли тяжеленную даму по коридору до спальни и взгромоздили ее на кровать.

– Анечка, – шептала Елена Тимофеевна, – Анечка, Поля спит в своей комнате.

– Вы только не нервничайте, – ответила Лиза, – я сейчас ваши капли принесу.

Через полчаса Елена Тимофеевна заснула. Лиза накрыла ее еще одним одеялом и прошептала:

– Пошли на кухню.

Сев возле небольшого стола, покрытого клеенкой в бело-красную клетку, я спросила:

– Часто с ней такое приключается?

Лиза выключила чайник.

– На фоне стресса бывает, у Елены Тимофеевны большое сердце, ей нельзя пугаться.

– Но я никого не пугала! Просто позвонила в дверь, а она открыла, вскрикнула и упала!

Лиза порылась в небольшом ящичке, висевшем над холодильником.

– Чай будешь?

– Спасибо, с удовольствием.

Пододвинув мне чашку с кирпично-красным напитком, Лиза тихо произнесла:

– Елена Тимофеевна приняла тебя за свою дочку, Аню. Вы на первый взгляд дико похожи, да еще куртки совершенно одинаковые, я тоже сначала обозналась и перепугалась, но потом скумекала, что ты не Анька.

– Отчего же так нервничать, если видишь родную дочь? – изумилась я.

Лиза насыпала в чашку сахар и принялась методично болтать ложкой.

– Аня пропала, – наконец сказала она, – год тому назад, в конце ноября. Ушла из дома и не вернулась, Елена Тимофеевна все глаза выплакала.

– Как пропала? – ахнула я. – Совсем?

Лиза угрюмо кивнула.

– Да. Надела куртку, сказала, что идет на почту, перевод получить, ничего с собой не взяла, ни ключи, ни деньги, на минутку уходила, и все. Год прошел.

– И ее искали?

– Искали, – грустно ответила девушка, – а толку? Ты вообще кто? Ученица Елены Тимофеевны?

– Спасибо за комплимент, но я давно уже миновала школьный возраст, – улыбнулась я. Лиза пожала плечами.

– У Елены Тимофеевны полно взрослых, английский сейчас многие зубрят.

– Она преподаватель иностранного языка?

– Да, очень хороший специалист.

– Нет, я не нуждаюсь в репетиторе.

– Тогда зачем пришла?

Последний вопрос прозвучал довольно грубо, но я не стала обижаться, просто достала паспорт и протянула Лизе. Та раскрыла документ и выронила его на стол.

– Господи, ты знаешь, где Аня? – накинулась она на меня. – Немедленно говори! Ты кто? Выкуп хочешь, да? Елена Тимофеевна все отдаст, только скажи правду про Аню, пусть даже самую страшную, все лучше, чем неизвестность!

– Я ничего не знаю!

– Только не ври! – стукнула кулаком по столу Лиза.

– Ты не злись, послушай лучше. Сегодня я купила куртку...

ГЛАВА 2

Выслушав мой рассказ, Лиза покачала головой.

– Вот оно как! Значит, Аню убили! Честно говоря, я так и думала.

– Почему? – пробормотала я. – Может, она просто ушла к любовнику, ну надоело ей с мамой жить, такое тоже вероятно!

Лиза покачала головой.

– Только не с Аней!

– С каждым может случиться!

Лиза вытащила из кармана пачку «Вог».

– Аня не такая!

– У нас во дворе, – ответила я, – жила Рая Лапшина, очень тихая девочка. Так вот, она тоже пропала, родители все глаза выплакали. И что? Через десять лет нашлась, во Владивостоке! Просто удрала от папеньки с маменькой!

Лиза ткнула недокуренную сигарету в блюдечко.

– Елена Тимофеевна зануда, характер у нее тяжелый, теоретически Аня могла от нее убежать, хотя куда и с кем? И потом, у Аньки дочка есть. Полечка, ей четыре годика. Вот Полю Аня ни за что бы не бросила, она девочку просто обожала.

– Аня была замужем?

– Нет, родила так, от Вани Краснова, он тут же жил, только на первом этаже, теперь в его квартире Самсоновы поселились.

– Этот Ваня тоже уехал?

Лиза молча кивнула.

– Может, они вместе удрали? – улыбнулась я. – Решили начать жизнь сначала?

Лиза вновь стала чиркать зажигалкой.

– Нет, – выговорила она наконец.

– Но вы же сами только что сказали: любовник уехал и Аня исчезла, напрашивается естественный вывод...

– Они хотели пожениться, – перебила меня Лиза, – только Ваню в армию призвали, а Анька уже после его отправки узнала, что беременна. Ну и давай ему писать, дескать, что делать-то? Ванька ответ прислал: рожай, разве это семья, без детей? Вернись, и в загс пойдем. Вот Аня и решила не делать аборт. Елена Тимофеевна ее два месяца уговаривала, все зудела: «Обманет он тебя, не женится, останешься одна с ребенком, одумайся, не ломай себе жизнь!»

– Выходит, мать была права, – прервала я Лизу, – Ваня ведь не повел Аню в загс!

Лиза помолчала, потом продолжила:

– Нет, Ваню убили, в Чечню он попал. Анька Полю родила и сказала, что всю свою жизнь девочке посвятит, а потом пропала. Осталась Елена Тимофеевна с малышкой одна. Все надеется – придет Анька, только сейчас стало понятно: зря! Убили Аню.

– Я бы все же не стала делать столь категоричный вывод, случается, что человек теряет память, оказывается в больнице или интернате для слабоумных. Всегда нужно надеяться.

– Замечательный совет, – фыркнула Лиза, – но мне кажется, что лучше очутиться в могиле, чем стать идиоткой. Только Ани уже нет!

– Ну откуда такая уверенность?

– Ты где куртку взяла? – вопросом на вопрос ответила Лиза.

Я решила, что она хочет переменить тему разговора.

– В магазине.

– В каком?

– Тебе понравилась курточка? Там больше таких нет, одна висела.

– Что за лавка?

Мне страшно не хотелось признаваться, что я приобрела вещь в секунд-хенде, но Лиза была очень настойчива, пришлось выдать себя:

– Ну... в комиссионном... таком, совершенно замечательном... Там только новые вещи висят, за копейки, с бирками. Зачем лишнее тратить, когда можно дешево купить? Ну какой смысл переплачивать...

– Это куртка Ани, – перебила меня Лиза.

Я замахала руками.

– Что ты! Новая вещь, с биркой!

– Откуда же паспорт взялся? Как он за подкладку угодил?

– Ну... завалился.

– Это понятно. А в карман каким образом попал?

– Не знаю, – вздохнула я.

– Анька побежала на почту, – тихо сказала Лиза, – хотела получить денежный перевод, ей отец Вани иногда присылал немного денег для Поли. Андрей Иванович в Тамбове живет, он с Ваниной матерью давно развелся, но сына не бросал, а когда Ваня погиб, стал Ане помогать, немного, правда, давал, только Анька любой копейке радовалась. Значит, она взяла паспорт, без него на почте ничего не дадут, и ушла. Это куртка Ани. Ее убили, а одежду в магазин сдали.

– Невероятно! – подскочила я. – Там же ценник висел!

– Экая сложность, – нахмурилась Лиза, – я тебе на ксероксе кучу таких сделаю!

– Но продавец меня уверял, что вещь новая!

– Врал.

– Ну-ка принеси сюда куртку, – велела я.

Лиза легко встала и неслышно выскользнула в коридор. Спустя пару минут она вернулась с моей обновкой.

– Ты посмотри внимательно, – сказала я, – куртка совершенно новая, неношенная.

– Так Аня ее за два дня до смерти принесла, – пробормотала Лиза, разглядывая рукава.

– Интересно, однако, – протянула я, – странно получается...

– Что? – спросила Лиза, включая настольную лампу.

– Ты говорила, будто Аня нуждалась в деньгах...

– Конечно, сама рассуди: ребенок маленький, растет быстро, вещи

прямо горят, один раз надела – мало. Елена Тимофеевна содержала и дочку, и внучку. Полечку она одевала, обувала, а Аньке денег не давала, воспитывала ее таким образом. Дескать, не послушалась меня, родила девочку, теперь сама о себе и заботься. Она Аньку куском хлеба попрекала. Купит детского питания, откроет банку, кормит Полю и приговаривает: «Ох беда! Сорок рублей сто граммов, а девочке двести пятьдесят давать надо. Да, пока ее на ноги поставишь и до ума доведешь, много времени пройдет! Ой, беда, беда. Как девочку растить?!» Вроде и не говорила ничего плохого, только Аня начинала плакать и убегала.

Я тяжело вздохнула. Встречаются такие люди. Есть у меня одна знакомая, Нина Степановна, большой мастер по части подобных проделок. Свою дочь Катю, мою хорошую подругу, она доводит почти до больницы самым простым образом. Нина Степановна – пенсионерка преклонных лет, поэтому день-деньской сидит дома. Несмотря на почтенный возраст, она чувствует себя отлично, но от скуки начинает выдумывать всякие болячки. Стоит только Катюхе, еле живой после тяжелого рабочего дня, появиться на пороге, как любящая мамочка накидывается на нее с одной и той же жалобой:

«Ах, мне плохо, я скоро умру».

По-моему, на такое провокационное заявление следует совершенно спокойно ответить:

«Хорошо, я не против, куплю тебе красивый гроб, чтобы перед людьми стыдно не было».

Старух-эгоисток, вызывающих родственников на скандалы, очень ошарашивает, когда вы с ними соглашаетесь. Ведь чего ждет Нина Степановна? Да того, что Катька станет причитать: «Ой, мама, перестань! Ты еще проживешь сто лет!»

«Нет, – завоет маменька, услышав кодовую фразу, – все, воды, валокордина, мне конец!»

Катька начинает метаться по комнатам, успокаивать капризницу. При этом учтите, что у Катюхи за плечами четыре тяжелые операции, а у Нины Степановны – в ее восемьдесят пять лет – железное здоровье. В результате Катя с трясущимися руками подает бедной мамочке ужин, а та, стелая о больных внутренностях с раковой опухолью, ловко поглощает бутерброды с икрой, красной рыбой и копченой колбасой. Подходящая диета для больной с опухолью желудка, не правда ли?

Если у вас дома проживает подобная штучка, шантажирующая семью возрастом и состоянием здоровья, советую спокойно отвечать на все стенания:

«Умирать собралась? Заверяю тебя, поминки справлю на высшем уровне, стол порадует твоих подружек».

И упаси вас бог выйти из себя. Старуха-вампир только этого и ждет. Вы начнете орать, топтать ногами, а она, сладко улыбаясь, примется бормотать:

«Ах-ах, не следует так нервничать, детка! Ах-ах, я так люблю тебя! Ах-ах, все только тебе!»

Что же получится в результате? Вы свалитесь в кровать с головной болью, а бабуся, бодрая и веселая, отправится смотреть телик. Она достигла своей цели, довела вас до скандала, получила эмоциональный заряд. Поэтому никогда не спорьте с подобными старухами, разговаривайте с ними только подчеркнуто вежливо и всегда соглашайтесь, например, так:

«Я сейчас умру!»

«Да, мама».

«Ты бессердечна!!»

«Конечно, мама».

«За что ты так меня не любишь!!!»

«Ты права, мама».

«Я вырастила чудовище!»

«Абсолютно верно».

На этой стадии диалог, как правило, выдыхается и «умирающая» кидается к пирожным. Не получив вашей энергии, она хочет добыть ее из пищи – как правило, старухи-вампиры обожают сладкое. Кое-кто из них любит бродить по улицам и цепляться к прохожим.

Если в магазине вам в спину упирается острый кулачок и раздается гневный голос: «Встала тут, корова, людям не пройти», – не следует мигом кидаться в атаку со словами: «Сама такая». Нет, надо просто улыбнуться и ответить: «Вам к прилавку? Проходите, дорогая!»

Помните, что скандал для такого человека – привычная среда обитания, он им питается, а вот милая улыбка полностью выбьет у него почву из-под ног...

– Непонятно получается, – повторила я, – ты говоришь, будто Аня нуждалась... Значит, она не имела денег на приличную одежду... Откуда же тогда появилась хорошая куртка? Мне она, конечно, досталась дешево, но, наверное, для твоей подружки пятьсот рублей большая сумма. Может, все-таки у нее имелся любовник? С ним она и удрала!

– Да нет, – отмахнулась Лиза, – Анька пристроилась к одной тетке, с собаками гулять! В соседнем подъезде она живет, в сотой квартире, Лиана Варкесовна. Богатая семья, три пса у них здоровенных! Просто лошади, а не собачки, уж не знаю, какой породы! Два раза в день Анька с ними во дворе шаталась: в восемь утра и в восемь вечера, по часу выгуливала, а Лиана Варкесовна ей платила. Так вот, куртка ее дочери принадлежала! Зите!

– Кому?

– Девочку так зовут, Зита, имя дурацкое, но ей подходит, очень уж она противная! Капризная такая, вечно со всеми ругается, права качает... Просто персонаж из анекдота! Знаешь, почему такую замечательную, совершенно новую куртку Ане отдали?

– Нет.

– Смотри, – велела Лиза и показала мне крохотное, еле заметное пятнышко на левом рукаве со стороны подкладки. – Видишь?

– Да, испачкано чуть-чуть, но ведь совсем не заметно! Я бы ни за что не увидела! Как только ты углядела!

– Так я знала, где искать, – вздохнула Лиза. – За день до исчезновения Анька прибежала ко мне в этой куртке, давай прыгать от радости и кричать: «Смотри, что мне перепало! Да такая вещь стоит тысячу долларов!»

Лиза очень удивилась. Куртка и впрямь была великолепная.

– Где взяла? – любопытствовала она.

Аня объяснила. Лиана Варкесовна купила Зите куртку. Избалованная девчонка сначала ныла, что с ней не посоветовались и приобрели дрянь. Но мать все же уговорила дитятко примерить обновку. Зита влезла в курточку и подняла скандал:

– Отвратительная шмотка! Да такими только на Черкизовском рынке торгуют!

Лиана Варкесовна обозлилась и сухо сказала:

– Другой не будет.

Зита притихла и ушла к себе, но через полчаса она вновь возникла перед матерью и категорично заявила:

– Не надену ее! Она испорчена!

– Чем же? – спросила Лиана Варкесовна.

– Вот, лаком для ногтей измазана!

– Где? – удивилась мать. – Кто ее измазал?

– Я, – нагло улыбаясь, ответила Зита, – стала снимать эту гадость и ноготь смазала, теперь из-за тебя, мама, на занятия опоздаю!

Лиана Варкесовна оторопела и спросила:

– При чем тут я?

– А при том, – презрительно сморщила нос Зита, – ты меня заставила эту мерзость мерить, а я только маникюр сделала, и теперь ноготь на указательном пальце выглядит отвратительно! Придется перекрашивать, из-за этого я опоздаю на занятия. Куртку не надену, она испорчена!

Лиана Варкесовна сначала растерялась, но потом, очевидно, решила, что наглость должна быть наказана. Аня, ставшая невольной свидетельницей ссоры, стараясь казаться незаметной, аккуратно вытирала собакам лапы после прогулки. Лиана Варкесовна выхватила у дочери из рук курточку и протянула ее Ане.

– На!

– Зачем? – не поняла та.

– Тебе не нравится куртка?

– Замечательный прикид! – с жаром воскликнула Аня.

– Забирай себе!

– Ой, что вы... она такая дорогая...

– Мама, – заорала Зита, – зачем побирешке такая куртка, ну-ка верни ее мне!

– Ты от нее отказалась, – усмехнулась Лиана Варкесовна, – значит, станешь прошлогодною донашивать.

– Верни, – затопала ногами Зита, – немедленно! Хочу эту куртку!!!

Пока капризная девица орала в истерике, Лиана Варкесовна повернулась к Ане:

– Берешь? Если нет, то я ее сейчас в окно вышвырну, Зите все равно не достанется, она совсем охамела!

Анечка схватила подарок и была такова.

– Пятнышко крохотное, – тихо объяснила Лиза, – абсолютно незаметное, но оно есть, следовательно, куртка Анина. У Аньки вещей мало, никогда бы она куртку не бросила, опять же паспорт... Как без него жить?

– Чей паспорт? – раздалось за спиной.

Я обернулась, в кухню, зябко кутаясь в пуховый платок, входила Елена Тимофеевна. Лиза растерянно замолчала, я же мгновенно схватила бордовую книжечку и попыталась сунуть ее в сумочку, но женщина неожиданно оказалась проворней. Она ловко выдернула из моих пальцев паспорт, раскрыла его и вскрикнула:

– Анин! Немедленно все рассказывайте!

– Может, не стоит? – пробормотала я.

Елена Тимофеевна схватила меня за плечо ледяными руками, и я невольно вздрогнула.

– Говори, – прошептала она, – ну, живо!

Пришлось повторить рассказ. Когда фонтан сведений иссяк, несчастная мать просидела несколько минут молча, потом решительно заявила:

– Нет, не верю! Анечка жива, просто куртку кто-то украл и продал.

– Да-да, – поспешила согласиться я, – именно так и было!

– Аня скоро вернется!

– Всенепременно!

– Может, вам прилечь? – вклинилась в наш разговор Лиза.

Елена Тимофеевна покачала головой, потом решительно сказала мне:

– Я много зарабатываю, кое-что отложила, хочу поехать с Полей к морю. Если ты узнаешь, каким образом курточка оказалась в магазине, хорошо заплачу. Может, Аню где-то прячут! Держат на цепи в подвале!

Я с сомнением посмотрела на курточку. Вещь белоснежная, никаких следов, кроме крохотного мазка лака, на ней нет, в версию с подвалом и цепью верилось с трудом.

– Так как, узнаешь? – настаивала Елена Тимофеевна. – Я отлично тебя вознагражу.

– Спасибо, мне не нужны деньги.

Елена Тимофеевна вновь вцепилась в мое плечо.

– Сама бы побежала, да не могу! Во-первых, девочка приболела, в садик не ходит, дома сидит, а во-вторых, ученики потоком идут, мне уроки не отменить.

Очевидно, на моем лице отразились какие-то колебания, потому что Елена Тимофеевна применила иную тактику. Большие карие глаза ее наполнились слезами.

– Помогите мне, – прошептала она, – я измучилась вся. Если скажут, что с трупа курточку сняли, заплачу и успокоюсь. Сил больше нет никаких!

Да уж, лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

– Ладно, – кивнула я, – сейчас вернусь в секонд-хенд и попробую разведать, что к чему!

Елена Тимофеевна бурно зарыдала, Лиза кинулась к холодильнику за лекарством. Женщина выпила микстуру и прошептала:

– Спасибо, у тебя лицо доброго и хорошего человека. Спасибо. Естественно, я отблагодарю тебя по-царски.

Елена Тимофеевна явно решила, что я собираюсь помочь ей из корыстных побуждений. Конечно, лишние деньги никогда еще никому не мешали, но я вовсе не из-за финансового интереса полезу в эту историю. С одной стороны, мне жаль женщину. Оказаться в ситуации, когда ничего не известно о дочери, – ужасно. Но есть еще одно обстоятельство: я стихийно превратилась в писательницу, создающую криминальные романы. Любовь к детективам сидит во мне с юности, с тех самых пор, когда отец Томочки привез из-за границы чемодан с яркими

томиками. Как я вдруг из репетиторши превратилась в литератора, рассказывать тут не стану¹. Скажу лишь, что писать книги намного интересней, чем читать. Одна беда! Я совершенно не понимаю, откуда писатели берут сюжеты для своих повестей и романов. У меня начисто отсутствует фантазия. Зато, если требуется описать произошедшие события... О, тут мне нет равных. Редактор Олеся Константиновна постоянно хвалит Арину Виолу, это мой псевдоним, за яркий стиль и запоминающиеся образы. Правда, начав за здоровье, она обычно заканчивает за упокой:

– Виола Ленинидовна, вы, безусловно, талантливы, но писать следует чаще! Работайте упорней, вот Смолякова молодец, что ни месяц – то рукопись! А вы! Еле-еле, с остановочками, так и читателей потерять можно! Ну-ка, принимайтесь за работу!

Я, как правило, киваю головой, улыбаюсь и клятвенно обещаю, что через пару недель принесу готовую рукопись. Но выхожу на улицу, и улыбка миглом стекает с лица. Эта Смолякова просто пионер, любимец старших! Где она берет материал для книг, где?

Теперь понимаете, чем меня привлекла ситуация с курткой? Из этой истории может получиться книга. А не далее как вчера Олеся Константиновна мне сурово заявила:

– Наше издательство предпочитает пишущих авторов!

Эти слова прозвучали как последнее предупреждение, и я испугалась, а потом приуныла. И вот сегодня судьба посылает мне настоящий подарок. Дело за малым, узнать, что стало с Аней.

Я выскочила во двор, накинула на голову капюшон и быстрым шагом направилась к автобусной остановке.

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Чудеса в кастрюльке».

ГЛАВА 3

Продавец скучал в одиночестве. Увидав меня, он несказанно обрадовался.

– Еще разок заглянуть решили? Правильно. У нас есть джинсы клевые, хотите?

– Нет, спасибо, – мягко остановила я его.

Но юноша просто фонтанировал энтузиазмом:

– Тогда свитерок, а? Розовый, вам пойдет.

– Успокойся, – сурово сказала я, – покупать я ничего не буду, за другим пришла, ответь-ка, дружок, где вы вещи берете для продажи?

Мальчишка принялся самозабвенно врать. Якобы у него есть хороший приятель, бывший одноклассник Павел Рихт. Павлик из немцев, его родители, как только представилась возможность, слиняли на историческую родину. В Германии Павлик превратился в Пауля, но больше никаких изменений с ним не произошло. Он как дружил с Аликом – так звали продавца, – так и дружит до сих пор.

Алик после десятилетки в институт не поступил, не добрал баллов, пришлось ему искать работу, хорошо хоть родители подсустились и сделали ему белый билет, иначе бы стоял он сейчас с ружьем около какого-нибудь сарая.

– Ты очень-то в подробности не вдавайся, – рассердилась я, – всю свою жизнь мне не выкладывай, только про одежду расскажи.

– Ага, – кивнул Алик и снова затарактел.

Думал он, значит, думал, чем заняться, а тут Павлуха, то есть Пауль, звонит и предлагает наладить совместный бизнес. Немцы – люди капризные, избалованные, давно живут в товарном изобилии, и если у магазинов одежды остались не распроданные в сезон вещи, то избавиться от них практически невозможно. На следующий год никто не купит залежавшийся товар. Поэтому многие универмаги с радостью...

– Эту версию я уже слышала, – прервала я Алика, – ты мне, дружок, правду расскажи.

– Какую? – удивился парень.

– Правда бывает одна, – ласково улыбнулась я, – правдивая, остальное – ложь!

– Чего-то не пойму я вас! – промямлил Алик. – Шмотки Павлуха присылает, а я тут вот торговлю налаживаю, надеюсь, пойдет... Вы же курточку купили?

– Купила.

– Понравилась?

– Чрезвычайно.

– В чем проблема тогда?

– Извини, дружок, ты врун.

– Я? – подпрыгнул Алик. – Да вы че? В чем обманул-то? Пообещал скидку и дал ее, даже больше, целых пятьдесят процентов сбросил...

– Не о деньгах речь, – продолжала я сладко улыбаться, – вещь не новая, смотри сюда!

Алик уставился на рукав.

– Видишь пятнышко?

– Ну.

– Откуда бы ему взяться на новой куртке?

Юноша потер рукой затылок.

– Скажете тоже! Откуда, откуда... Ерунда сущая, вы куртку в микроскоп разглядывали?

Новехонькая она, с бирочкой была. Небось на фабрике испачкали.

– Нет, миленький. Хочешь, объясню, откуда отметина?

– Валяйте, – буркнул Алик.

– Куртку эту надевала женщина, которая только что сделала маникюр, – спокойно заявила я, – мазнула по ногтям, лак и «осел» на рукаве.

– Глупости! – покраснел Алик. – Впрочем, может, на фабрике какая баба когти полировала, чего не случается!

– Твоя версия могла бы показаться интересной, – кивнула я, – кабы не одна деталь. Вот. Мальчишка уперся глазами в паспорт.

– Это что?

Во время моего краткого рассказа он то краснел, то бледнел, потом воскликнул:

– Вот пакость! Так и знал, что неприятности наживу. У меня тут все новое, ей-богу, кроме этой курточки. Честное слово, шмотки Павлуха привез.

– Куртка откуда?

Алик тяжело вздохнул.

– Галка дала, попросила продать.

– Это кто же такая?

– Соседка наша по квартире, – парень принялся многословно объяснять ситуацию, – ведь не откажешь ей, вместе живем! Лучше дружить.

Я молча слушала Алика. Если отбросить в сторону все причитания и бесконечные, ненужные подробности, суть сводилась к следующему. Галя принесла Алику куртку и попросила продать. Это все. Где девушка взяла шмотку, Алик понятия не имел. Курточка выглядела как новая, вот он и решил удружить соседке. Взял одну бирочку, пропустил через цветной ксерокс, привесил на куртку и вынес ее в зал. Надо же было так случиться, что именно эту вещь и приобрела самая первая посетительница «Эксклюзивного секонд-хенда», то есть я.

– Только жаловаться никому не ходите, – тархтел Алик, – на меня мигом всякие инстанции наедут.

Продолжая болтать, он открыл кассу, вынул пятьсот рублей и протянул мне.

– Возьмите, снимайте куртку.

– Нет, она меня вполне устраивает, скажи адрес Гали.

– Перово...

– Где?!

– Перово, мы там живем.

– А магазин ты открыл совсем в другом конце города!

– Так искал помещение подешевле, – вновь пустился в объяснения Алик, – а вы чего, с Галкой потолковать хотите?

– Да, говори название улицы.

– Она здесь рядом работает, – выпалил Алик, – знаете за углом магазин «Свет»?

– Конечно.

– Галка там служит продавцом.

– Как ее фамилия?

– Шубина.

Я вышла на улицу, перешла через дорогу и вошла в магазин «Свет». Покупателей тут было мало. Щупленькая старушка выбирала электролампочки, а по просторному залу, задрав головы вверх, бродила, взявшись за руки, парочка. Очевидно, молодожены, обставлявшие квартиру. Продавщицы с самыми скучными лицами маячили за прилавками.

– Где можно найти Галю? – спросила я у одной из девиц, с волосами, выкрашенными в невероятный, нежно-зеленый цвет.

Хлопнув густо намазанными ресницами, девушка лениво поинтересовалась:

– Какую?

– Шубину.

– Зачем она вам?

– По личному вопросу.

Зеленоволосое создание медленно подняло руку и ткнуло пальцем с безобразным ногтем в кнопку.

– Да, – захрюкал стоящий перед ней динамик.

– Слышь, Таньк, – зевнув, спросила продавщица, – где Галька?

– В стиралках, – прохрипело из прибора.

– Пусть подыметесь, пришли к ней.

– Хр-хр, – донеслось из динамика.

– Ща появится, – обнадежила меня девица и зевнула.

Я принялась ходить по залу, разглядывая витрины. Наконец из двери, ведущей в служебное помещение, появилась фигура и басом крикнула:

– Кто меня искал?

Я слегка испугалась. Галочка выглядела просто устрашающе. Росту в ней было метра два, не меньше, а объему мог позавидовать профессиональный борец сумо. Огромные колонноподобные ноги росли из необъятной филейной части размером с корыто. У моей мачехи Раисы, в деревне Попугаиха, висел на стене сарая такой серебристо-серый ушат, к нему еще прилагалась ребристая доска. Меня привозили в Попугаиху на все лето, Раиса сдавала меня своей матери и уезжала. По четвергам бабка снимала корыто и засовывала туда мои перемазанные землей одежды.

– Эх, грехи наши тяжкие, – бормотала старуха, орудуя куском хозяйственного мыла, – ну-ка, Вилка, вздуй примус, не на газе же белье кипятить, баллон-то дорогой. Эй, куды побегла! Глянь-ка, как с грязным управляться надо!

Но я, не слушая бабку, удирала огородами к подружкам. Старуху я недолюбливала и старательно уворачивалась, когда та пыталась поцеловать меня на ночь. Потом, спустя много лет, я поняла, что старуха была на самом деле замечательной женщиной, по-крестьянски рассудительной и безмерно доброй. Я-то не являлась ее родной внучкой, Раиса, ее дочь, приходилась мне мачехой, но бабка безропотно забирала меня к себе на все лето и даже, если была в хорошем настроении, целовала падчерицу дочери перед сном. Правда, она любила выпить и частенько прикладывалась к бутылке, оправдывая свое поведение весьма незатейливо.

– Праздник севодни, – бормотала бабка, вытаскивая из погребушки «четверть» с мутноватой жидкостью, – грех не отметить.

Накушавшись самогонки, бабусяка начинала сначала петь, затем плакать, потом быстро засыпала, прямо там, где сидела. Наутро мне сильно доставалось от нее. Выдернув возле забора крапиву, старуха охаживала меня по ногам, приговаривая:

– Ишь, лентяйка! Баба заболела, спать легла, так помоги! Курей загони, корову подой, ан нет! Эх, девка, не вырастет из тебя толковая хозяйка!

Я стойчески сносила наказание. Обижаться на старуху было невозможно, по деревенским меркам девочка в шесть лет уже большая, помощница в доме, мои одноклассники готовили обед, пока родители ломались в поле за трудовни...

– Так кому я понадобилась? – прогудела Галя.

Я вынырнула из нектати нахлынувших воспоминаний и ответила:

– Мне.

– И чего вы хотите?

– Вот, видите на мне курточку?

– Ну?

– Ваш сосед по квартире, Алик...

– Знаю Алика, – кивнула Галя.

– ...продал мне ее, – закончила я, – недорого взял, вещь хорошая, качественная...

– А я тут при чем? – нахмурилась она.

– Так Алик сказал – ваша курточка, вроде попросили его ее продать?

– А че? Нельзя? – потемнело лицо продавщицы.

– Конечно, можно, – натужно улыбалась я, – только вот незадача...

– Тьфу, пропасть! – в сердцах воскликнула Галя. – Да говори толком, в чем дело! Не тяни!

– Ваша куртка?

– Что я, по-твоему, чужую вещь продавать стану?

Я вздохнула, с Галей очень тяжело беседовать. Она держит глухую оборону и моментально начинает стрелять из всех орудий, услышав любой вопрос. Наверное, у нее очень тяжелая жизнь, раз она везде видит подвох.

– Курточка замечательная, очень удобная, но вот как ее стирать?

Галя замерла с открытым ртом, потом спросила совершенно нормальным голосом:

– Как стирать?

– Ну да, – затараторила я, – вещь не новая, у меня на обновки денег не хватает, вы ее до меня носили, уж расскажите, пожалуйста, стирать при какой температуре? Можно ли в машине? Она белая, маркая...

Продавщица неожиданно усмехнулась:

– Я ее не носила.

– Да? Почему же? Отличная шмотка.

– Ты на меня глянь, – засмеялась Галина, – эта куртка только на мой кулак налезет...

– Но она ведь ваша?

– Иди сюда, – поманила меня пальцем Галина.

Мы прошли в служебное помещение, она плюхнулась на жалобно застонавший под ее весом диван.

– Девки тут противные, – покачала головой продавщица, – уши развесят, подслушают, о чем говорят, а потом давай языками молоть! Куртку мне Генка припер, сволочь!

– Муж ваш?

– Нет, мы не расписаны были, пьяница он подзаборная. Ничего хорошего от него я не видела, одни колотушки.

Я с сомнением покосилась на Галю, интересно, какого размера должен быть мужчина, бьющий такую женщину?

– Только водку трескал, – с возмущением продолжала она, – это он может! За всю совместную жизнь один лишь подарок принес, куртку! Прямо чистое издевательство, зачем мне такая крохотная! Взяла ее, сунула в шкаф и забыла. А тут как-то полезла в шифоньер и наткнулась на нее. Чего, думаю, висит? Надо ее куда-нибудь деть, ну и отдала Алику, хоть сколько выручу, уже хорошо.

– Вот беда, – заохала я, – а где ваш Гена куртку взял?

– Уж не в магазине купил, спер скорее всего, – фыркнула Галя.

– Не подскажите, где его найти можно?

– Генку?

– Ну да.

– Шут его знает, мы уже полгода не виделись, я только рада, – заявила Галя, – лучше совсем без мужика, чем с таким уродом.

– А адрес его помните?

– Не знаю, он у меня жил. Телефон могу дать, рабочий.

– Вот спасибо, – обрадовалась я.

Галя открыла шкафчик, вытащила огромную черную сумку, порылась в ней, выудила записную книжечку, помусолила растрепанные странички и сказала:

– Ага, пиши. Фамилия ему Крысин, очень она ему подходит, крыса он и есть.

Сунув бумажку с номером в карман, я пошла домой. Скорей всего Анны Кузовкиной давно нет в живых, надеюсь, этот Крысин прольет свет на историю.

Возле нашего подъезда стоял роскошный джип. Блестящие, полированные бока машины говорили о том, что ее только что пригнали с мойки. Во дворе ни у кого нет подобного автомобиля, самый дорогой, по названию «РАФ-4», имеет Ольга Костюкова из сорок девятой квартиры, остальные жильцы рулят на подержанных иномарках и «Жигулях». Я обогнула капот и услышала:

– Вилка!

За рулем дорогого внедорожника сидел мой муж, Олег Куприн. Сказать, что я удивилась, это не сказать ничего.

– Что ты тут делаешь? – вырвалось у меня.

– Вот, – развел руками мой майор, – помочь попросили.

– Кто?

Олег разинул было рот, но тут из недр джипа выбрался дядька, больше всего похожий на главного героя анекдотов про «новых русских». Круглая голова была обрита, вместо волос над кожей топорщилась маленькая щетинка. Несмотря на пронизывающий ветер, он был без пальто. Его крепкий, если не сказать толстый, торс обтягивала нежно-голубая футболочка, на шее болталась золотая цепь. У бабки в Попугаихе был пес Дик, живший в конуре, вот он большую часть своей жизни просидел на цепи такого размера, только, естественно, не золотой.

– Ты Виола? – густым басом спросило чудище.

Я кивнула и попятилась.

– Ну давай знакомиться, – прогудел «браток» и протянул мне пухлую ладонь, украшенную толстыми, сарделеобразными пальцами. На указательном и безымянном сверкали перстни.

– Вован, – сообщил он.

Я отступила на шаг.

– Кто?

– Вован, – повторил толстяк и радостно улыбнулся, – вообще-то, Владимир Семенович Кагарлицкий, но для близких друзей просто Вован.

– Э... – забормотала я, – а я Вилка, просто Вилка.

– Владимир, – донесся из кожаного салона дребезжащий старушечий голосок, – доколе мне тут сидеть?

– Сейчас, мама, – ответил Вован и нырнул внутрь джипа.

Я посмотрела на Куприна. Муж сделал вид, что поглощен выуживанием сигареты из пачки. Олегу явно не хотелось вступать в диалог со мной. Но от меня так легко не избавиться!

– Это что? – прошипела я.

Куприн закашлялся и тихо пробормотал:

– Давай не сейчас!

– Почему ты за рулем?

– Потом.

– Нанялся к этому Вовану шофером?

– С ума сошла, – повысил тон супруг.

– Тогда в чем дело?

– Вован помочь попросил, он мой давний приятель, учились вместе.

– Ты в каком классе сидел с этим «братком»?

– Вован мой коллега, – вздохнул Олег.

– Он мент?! Откуда у него такой джип? Небось взятки берет, – не утерпела я.

– Потом объясню, – процедил сквозь зубы Куприн, – «Лексус» принадлежит жене Вована.

– Она что, дочь бухарского эмира? – не успокаивалась я. – Или просто внучатая племянница шейха из Арабских Эмиратов?

– Не пори чушь, – начал злиться Олег, но тут же захлопнул рот, потому что из недр «Лексуса» выбрался Вован, буквально несущий под мышкой маленькую бабенку неопределенного возраста.

– Ужас! – взвизгнула она и ткнула пальцем в наш дом. – Нам придется здесь жить?! Владимир Семенович!!! Это отвратительно! Ах, Лорочка еще ничего не знает!

– Так... вот, – начал запинаться Вован.

Олег вышел из машины и начал успокаивать бабулю:

– Вам понравится, квартира большая, уютная... Комната просторная...

– Вы купили в нашем доме квартиру? – повернулась я к Вовану.

– Ну... нет... вернее...

– Вы всерьез считаете, что я могу приобрести апартаменты в этом месте? – надулась его мать.

– А что плохого? – удивилась я. – Здание расположено недалеко от метро.

– Я не пользуюсь подземкой, – скривилась она.

– Магазины рядом, рынок. Соседи у нас люди приличные.

Она поджала губы. И тут Олег достал из кармана свою связку ключей, подал ее Вовану и предложил:

– Ступайте наверх, пусть Марина Степановна осмотрится.

Когда Вован и недовольно ворчащая тетка ушли, я сказала с укором:

– Зачем ты их к нам отправил? Теперь застрянут до вечера, шли бы сразу к себе!

Олег слегка порозовел и принялся мямлить:

– Так уж вышло, пойми, я не мог не предложить, было бы просто некрасиво...

– Ты о чем? – насторожилась я.

Куприн набрал полную грудь воздуха и сообщил:

– Они у нас поживут!

– Кто? – прозаикалась я.

– Вован и Марина Степановна.

– Зачем? Вернее, почему? Они не москвичи?

– Понимаешь, – забубнил муженек, – дело дурацкое вышло. Жена Вована, Лора, певица, может, слышала когда по радио песню «Он и только он»?

– «Он у моих ног, а я холодна...»?

– Точно! Это Лорка поет. Она вообще-то на учительницу училась, да петь начала.

– При чем тут мы?

– Ну не сердись, – залебезил Олег, – дай объясню!

– Хорошо, – согласилась я, ощущая огромное желание треснуть муженька по затылку.

– Лорка мотается по городам с концертами, – завел Куприн, – у них, у эстрадных артистов, это называется «чес». Деньги она зарабатывает, а Вован при ней. Лорка продала квартиру, где они все жили, и купила новую, в строящемся доме. Апартаменты еще не готовы, здание сдастся лишь через месяц. Вот Лора и договорилась с риелторами, что пока семья поживет в проданной квартире. Ее заверили, что никто не тронет Вована и Марину Степановну, поэтому Лора совершенно спокойно укатила на гастроли по Сибири и Дальнему Востоку. Ясно?

– Ну, пока да, – осторожно ответила я.

– Только те, кто купил квартиру, наплевали на все договоренности и въехали в нее! Просто по-хамски поступили! Вован повез Марину Степановну к врачу, возвращаются: вещи перед подъездом свалены, замки в двери новые.

– Что же твой Вован глазами хлопал?

– Так сделать ничего нельзя, – с жаром пояснил Олег, – жилплощадь теми людьми по всем правилам куплена, договоренность об отсрочке их въезда устная... Во дела...

Куприн замолчал. Я постаралась взять себя в руки. Мой муж обладает не столь уж редким среди людей качеством: сначала совершает поступок, а потом думает, следовало ли так поступать в создавшейся ситуации. Сколько раз он приносил домой в день получки жалкие копейки, а на мой удивленный вопрос: «Вам что, теперь платят тысячу в месяц?» – бодро отвечал: «Нет, Вале (Сене, Пете, Мише, Степе...) в долг дал, ему на машину (дачу, отпуск, шубу для жены) не хватает, через неделю вернет».

Сами понимаете, что через семь дней никто ничего не приносил, в лучшем случае долг возвращали спустя полгода, в худшем – деньги исчезали навсегда.

Впрочем, я никогда не ругаю Олега, на жизнь нам хватает, я сама вполне прилично зарабатываю, а домашнее хозяйство мы с Томочкой ведем вместе. Намного больше меня раздражает манера Куприна зазывать в гости всех, кого ни попадя. Наша квартира – просто филиал гостиницы МВД. Большинство ментов из провинции, приезжающие в Москву в командировку, очень хорошо знают: у майора Куприна дома всегда можно остановиться. При этом наивный Олег страшно удивляется, когда «друзья», вернувшись в родной город, напрочь про него забывают. Не далее как месяц назад мой майор, собираясь по служебным делам в Воронеж, стал укладывать в чемодан коробку шоколадных конфет и ярко-красную игрушечную машинку. Я удивилась и спросила:

– Это кому?

– Помнишь, у нас останавливался Федька, такой шумный майор? – спросил Олег. – Я у него теперь поживу, в гостинице-то нас шестером в номере селят, в Воронеже для милиционеров выстроен не отель, а общага. У Федьки жена и ребенок, так это им подарки.

Когда Олег вернулся домой, я спросила:

– Хорошая квартира у Федора?

– Не знаю, – вздохнул Куприн.

– Ты не у него остановился, – мрачно констатировала я.

– Ага, – кивнул Олег.

– Почему?

– Так ремонт у Федьки, – бодро ответил Куприн, – он сам у тещи живет.

Я тяжело вздохнула. Странная закономерность, однако, – у Феди в Воронеже ремонт, Леня в Ярославле менял окна, Иван из Питера перестилал паркет, Сергей из Петрозаводска красил стены... Только Женя из Екатеринбурга оказался оригиналом: у него дома обнаружилась мама, больная гепатитом.

– Женька с удовольствием бы поселил меня у себя, – рассказывал наивный Олег, – даже комнату приготовил, но гепатит! Женька сказал, жуткая зараза, по воздуху передается. Ладно, если сам заболел бы, так ведь домой бы привез, а у нас Никитка крохотный!

Самое интересное, что Олег ни на минуту не сомневается в том, что «приятели» говорят правду. Остается только удивляться, каким образом Куприн, отличный профессионал, распутывающий сложные дела, может быть столь наивен.

ГЛАВА 4

Утром Томочка осторожно сказала:

– Вован не слишком похож на сотрудника правоохранительных органов. Эти жуткие перстни с камнями, цепь на шее...

Я отхлебнула кофе.

– Насколько я поняла вчера из объяснений Олега, Вован – муж эстрадной певицы Лоры. В доме у них она главная – то ли характер боевой, то ли зарабатывает слишком много. Для поддержания собственного имиджа Лора купила мужу «Лексус» и обвешала драгоценностями, а он не сопротивляется.

Неожиданно Томочка чихнула, сначала раз, потом другой. Я хотела было спросить: «Ты простудилась?», но тут до моего носа дошел странный аромат, мне сложно описать его, представьте, что перед вами стоит яблочный пирог, обильно посыпанный молотым черным перцем. Я чихнула, Томочка тоже.

– Откуда этот запах? – спросила Тома.

И тут в кухню вошла Марина Степановна в бордовом велюровом халате. Запах сгустился и стал невыносим. Наша собака Дюшка и кошка Клеопатра, мирно спавшие на диванчике, проснулись и, фыркая, выбежали в коридор. Сидевший в маленьком стульчике Никитка залился гневным плачем и начал тереть кулачками нос.

– Доброе утро, – я решила проявить хорошее воспитание, – как спалось?

– Ужасно, – прошипела Марина Степановна, – так гадко я еще никогда не проводила ночь! Матрас словно из железа сделан! Подушка комками! Одеядло тонюсенькое! Промучилась без сна. Кто здесь подает кофе?

Томочка подошла к плите.

– Нет-нет, – взвизгнула Марина Степановна, – растворимый ни в коем случае, это яд! Натуральный, арабику!

– У нас только «Амбассадор», – ответила я.

Гостья надулась:

– Ужасно! Впрочем, я не капризна и вполне могу терпеть трудности. Тогда чай!

Получив чашку с ароматным чаем, она глотнула и сморщилась:

– Фу! Что за сорт?

Томочка посмотрела на красную коробочку.

– «Брук Бонд», вам он не по вкусу?

– Как может нравиться чай из веника? – заявила Марина Степановна. – «Брук Бонд»! Где только такой взяли?

– А какой надо? – спросила Томочка.

Марина Степановна моментально ответила:

– «Роял Липтон», цейлонский, в таких жестяных темно-оранжевых коробках.

– Ясно, – ответила я, – вам сделать тостики?

– Увольте! – рявкнула Марина Степановна, потом встала, вылила в раковину невыпитый чай и повернулась ко мне: – Э... милейшая, вы хозяйка дома? Виолетта?

– Виола, – поправила я ее.

– Собственно говоря, это мне безразлично, Виолетта или Виола, – заявила Марина Степановна.

– Вовсе нет, – встала на мою защиту Томочка, – Виола и Виолетта разные имена.

– Ерунда!

Мы с Томочкой переглянулись: похоже, с Мариной Степановной разговаривать бесполезно. И тут в кухню вошел Вован, одетый в спортивный костюм. Без дурацких перстней и золотой цепочки он выглядел намного лучше.

– Владимир Семенович, – сурово заявила Марина Степановна, – вы куда меня привезли?

Вован сел на табуретку и осторожно спросил:

– Что-то не так?

– Все! – взвизгнула вредная старуха. – Постель отвратительная! Чай гадкий! И еще их домработница вместо того, чтобы сделать нормальный завтрак, смеет поучать меня! Поломойка должна знать свое место!

Мы с Томочкой разинули рты, Вован растерянно крутил в разные стороны бритой башкой.

– Вы, Виолетта, – скандалистка ткнула в мою сторону пальцем, – должны строго-настрого предупредить домработницу...

Взгляд Марины Степановны переместился на Томочку, я перебила нахалку:

– Тамара хозяйка квартиры.

Если вы думаете, что та смутилась, то ошибаетесь.

– Да? – вздернула она брови вверх. – А вы кто?

– Жена Олега, Виола.

– То, что вас зовут Виолетта, я уже поняла, – отбрила меня Марина Степановна, – какой ваш статус в этом доме?

– Хозяйка, мы обе тут главные.

– Боже, – устало вздохнула Марина Степановна, – грехи мои тяжкие! Коммунальная квартира! Владимир Семенович! Это безобразие! Теперь подумайте, что скажет Лора, когда узнает, в каких условиях оказалась я, ближайшая родственница мегазвезды нашей эстрады! Засим я удаляюсь! Извольте купить до вечера ортопедический матрас!

– Хорошо, – покорно кивнул Вован, – прямо сейчас поеду!

Марина Степановна ушла, но запах ее странных, ни на что не похожих духов остался висеть в воздухе. Несколько секунд мы молчали, глядя на потного мужика, потом я не выдержала:

– Ты свою тещу бить не пробовал? Говорят, помогает.

Вован стал багровым.

– Марина Степановна не мать Лоры.

– А кто она? – хором воскликнули мы.

– Она моя мама!

– Ох, и ни фиги себе? – по-детски воскликнула Томочка. – Что же она тебя по имени-отчеству и на «вы» зовет?

Вован пожал плечами:

– Не знаю. У нее каждый день новые заморочки. Как Лорка в звезды выбилась, так все, страшное дело! У Лорки в голове звездит, у матери тоже.

– Может, тебе их обеих побить? – не успокаивалась я.

Вован осторожно покачал головой:

– Нет... не поможет. Надо просто молча выполнять их требования, тогда отстанут.

Я оглядела стокилограммовую тушу, сидевшую с самым несчастным видом на табуретке. Так, понятно. Вован не желает связываться с оборзевшими бабами и избрал тактику непротивления злу насилием. Если помните, такой же позиции придерживался Лев Николаевич Толстой. Уж не знаю, был ли он счастлив в семейной жизни, но Вовану надо научиться стучать кулаком по столу, иначе ничего хорошего его не ждет!

Оставив Вована с Томочкой на кухне, я ушла к себе в спальню и набрала рабочий телефон Геннадия.

– Морг, – раздалось в ухе.

От неожиданности я уронила трубку и повторила попытку.

– Морг, – рявкнула невидимая тетка, – алле, морг!

– Позовите Геннадия, – дрожащим голосом попросила я.

– Которого?

– Крысина.

– Валька, – заорала женщина, – Крысин у нас кто?

– Санитар, – донеслось издалека.

– Мы зовем к телефону только врачей, – сообщила тетка, – вашему Крысину не положено подходить к аппарату.

– Он на работе?

– Должен быть.

– Так да или нет?

– Девушка, – обозлилась она, – я тебе не справочное бюро.

В ту же секунду из трубки понеслись частые гудки. Я вновь потыкала пальцем в кнопки.

– Морг.

– Скажите, где вы находитесь?

– Самохвальная, десять.

– А часы работы?

– Вам взять или привезти?

– Что?

– Взять или привезти?

– Простите, я не поняла.

– О, е-мое, непонятливые все! Взять тело хотите?

– Чье? – окончательно потерялась я.

– Уж не мое, – обозлилась баба с той стороны провода. – Кто у вас помер?

– Э... Крысин.

Послышалось шуршание.

– Такого нет!

– Подскажите...

Но служительница морга опять швырнула трубку.

На Самохвальной улице под номером десять стоял целый конгломерат зданий из желтого камня. Я побрела по дорожкам, читая надписи на корпусах: «Хирургия», «Урология», «Терапия». Наконец навстречу попалась нянечка с большим эмалированным ведром, из которого торчали какие-то пакеты.

– А туда ступай, в самый конец, – она охотно объяснила мне дорогу, – к забору иди.

Поплутав еще минут десять, я увидела маленькое обшарпанное здание, покрытое серой краской. На двери висело объявление: «Выдача тел с 8 до 13, справок не даем». Я потянула тяжелую створку и оказалась в мрачном холле. Никаких служащих тут не было, впрочем, справочного окошка тоже, только дверь с табличкой «Вход воспрещен». Я приоткрыла ее, увидела стол, заваленный бумагами, и кряжистого мужчину в мятом халате. Оторвав взгляд от документов, он довольно вежливо спросил:

– Ищите кого?

– Геннадия Крысина.

Врач нахмурился:

– Не помню такого, когда привезли?

– Это не труп.

– А кто?

– Ваш сотрудник, санитар.

Доктор схватил трубку:

– Валентина Ивановна, у нас работает Крысин? Ага, понятно! Уволен ваш Геннадий!

– Не знаете, где он сейчас работает?

– Понятия не имею, – ответил врач и потерял ко мне всякий интерес.

– А домашний адрес не подскажете?

Патологоанатом отложил ручку.

– Вы всерьез думаете, что я знаю его? У нас санитары без конца меняются, дикая текучка.

Пришел, ушел.

– Неужели никто не в состоянии мне помочь?

– Ступайте в отдел кадров, они наверняка анкету требуют заполнить, – посоветовал медик.

Я опять пошла кружить по дорожкам, разыскивая административный корпус.

За свою не слишком длинную жизнь я много раз меняла место работы. Поэтому очень хорошо знала, кого сейчас увижу за дверью отдела кадров. Либо отставного военного, либо пожилую женщину со старомодной «халой» на макушке.

– Входите, – донеслось из-за двери, я вошла и едва сдержала возглас удивления.

За серым офисным столом сидела настоящая красавица. Лет ей было около тридцати. Худенькое личико с прозрачно-фарфоровой кожей украшали огромные темно-карие глаза. Изящный носик, красиво вырезанные губы и копна вьющихся волос цвета крепкого кофе.

– Вы ко мне? – улыбнулось небесное создание.

Я кивнула:

– Помогите мне, пожалуйста.

На лице красотки появилась тревога.

– Что случилось?

– Очень нужно узнать домашний адрес Геннадия Крысина, он работал в морге санитаром и был уволен!

Девушка стерла с лица улыбку.

– Я не имею права разглашать подобные сведения.

– Умоляю, пожалуйста!

– В чем дело?

Версия пришла в голову мгновенно.

– Понимаете, – загундосила я, – мы жили с ним вместе, в моей квартире, я мужем его считала. А тут прихожу домой, на столе записка: «Извини, полюбил другую». Вот так ушел, по-хамски.

– Забудьте вы его, – посоветовала кадровичка, – другого найдете.

– Оно верно! Только вместе с Генкой «ушли» телевизор, видека, магнитола и десять тысяч рублей.

– В милицию ступайте, – не дрогнула девушка, – заведут дело и посадят вора!

Я вытащила из кармана носовой платок и, вытирая сухие глаза, запричитала:

– Будут менты моим делом заниматься! Сама разберусь, помогите только!

– Пожалуйста, не плачьте, – поморщилась красавица, – сейчас дам вам адрес.

Она легко встала и подошла к большому шкафу, я испытала укол зависти. Ну почему одним достается все: рост, красивое лицо, безупречная фигура, а другим...

– Стрельбищенский проезд, – сказала она, – здесь недалеко.

Я вышла из административного корпуса и спросила у секьюрити, охранявшего въезд на территорию больницы:

– Где тут Стрельбищенский проезд?

– Туда иди, – махнул рукой парень, – мимо автобазы, за гаражи, вон, видишь, остановка?

На ней садись, и через одну выходи.

Я пошла в указанном направлении, и тут в сумочке затренькал мобильный. Не так давно я обзавелась сотовым аппаратом, все-таки писательница, а не замухрышка какая-нибудь.

– Виола Ленинидовна? – послышался мягкий голос моего редактора Олеси Константиновны. – Как наши дела?

На моем лице появилась идиотская улыбка, и я замямлила:

– Ой, здравствуйте, Олеся Константиновна, что случилось?

– Пока ничего, – мягко ответила Олеся, – вы помните о сроке сдачи рукописи?

– Конечно!

– Надеюсь, не подведете?

– Ну что вы!

– Отлично! – бодро воскликнула редактор. – Теперь следующий момент: сегодня в девятнадцать ноль-ноль вы должны быть в книжном магазине «Огонь знаний».

– Я?

– Вы.

– И что мне там делать?

– Будете подписывать свои книжки.

– Кому? – недоумевала я.

– Тому, кто их купит, – терпеливо ответила Олеся Константиновна, – все наши авторы регулярно встречаются с читателями, пора и вам начинать, а чтобы вы в первый раз не растерялись, мы вас присоединили к Смоляковой. Она приедет в семнадцать, а вы ее смените. Смотрите не опаздывайте.

– Хорошо, конечно.

– Удачи вам, Виола Ленинидовна, и, пожалуйста, не забывайте о сроках сдачи рукописи.

Я сунула мобильный в сумку. Вот удивительное дело, Олеся Константиновна всегда более чем любезно разговаривает со мной, но отчего-то я боюсь ее до дрожи в коленях. Срок сдачи рукописи! Вот кошмар! Книга еще в чернильнице, но Олесе Константиновне об этом знать совершенно незачем.

Крысина дома не оказалось. Я села на подоконник и прислонилась головой к холодному стеклу. Надо купить варежки, сегодня руки в перчатках просто заledenели. Интересно, куда подевался Геннадий? Должно быть, на работу ушел. Ладно, посижу тут, подожду, время пока есть.

Но не успела я примоститься на подоконнике, как ожил лифт. Автоматические двери разъехались в разные стороны, и на лестничную клетку выпало двое «синяков», мужик и баба. Женщина с нежностью прижимала к груди пакет, в котором звякали бутылки. Мужчина, порывшись в кармане, вытащил ключ и принялся тыкать им в замочную скважину.

ГЛАВА 5

- Вы Крысин? – обрадовалась я.
- Геннадий поднял на меня мутные глазки.
- И чего?
- Меня Галя прислала.
- Какая?
- Шубина.
- Не помню ее, – протянул Крысин.
- Толстая такая, продавщица из магазина «Свет».
- А, Галька, – оживился он и распахнул дверь, – заходи.

Основной моей работой до недавнего времени было репетиторство, я преподавала немецкий язык школьникам, тем, которые не способны самостоятельно справиться с программой. Высшего образования у меня нет, но немецким я владею хорошо, поэтому учеников было много, из самых разных слоев населения, и повидала я многое. У Маши Матюшкиной, в однокомнатной квартире, всегда стояли раскладушки с неубранными постельными принадлежностями, у Вани Репнина меня у двери встречала горничная и, почтительно кланяясь, вела через анфиладу сверкающих бронзовыми люстрами комнат, в стандартной «трешке» Кати Стрельниковой всегда одуряюще вкусно пахло, мама Катюши не работала и целиком посвятила себя домашнему хозяйству.

Первое время родители стеснялись наемной учительницы и наводили относительный порядок перед ее приходом, но потом постепенно начинали считать меня за свою и не слишком церемонились. И теперь я очень хорошо знаю: большинство людей – неряхи, не утруждающие себя тем, чтобы утром убрать постель. Но такой грязи, такого беспорядка, который царил у Крысина, я до сих пор еще не встречала.

Естественно, никто не стал предлагать мне тапочки. Геннадий скинул куртку, его спутница пошла на кухню прямо в верхней одежде. Я оглядела стену, поняла, что роль вешалки тут исполняют вбитые в нее ржавые гвозди, и решила держать свою верхнюю одежду в руках.

Кухня напоминала туалет при вокзале. Меня затошнило от запаха, похоже, помойное ведро не выносилось неделю. Женщина молча вспорола ножом пару банок с дешевыми рыбными консервами, Геннадий вытащил три разномастные чашки, наплескал туда водки и, окинув нежным взглядом стол, заявил:

– Хорошо посидим, в тепле да уюте! Вишь, Светка, как тебе повезло! С интеллигентным человеком связалась, не с шелупонью, с медиком. Если бы не я, где бы ты была, а? На улице бы киряла, у фонаря, так что будь мне благодарна! Ну, поехали!

И он профессионально точным движением опрокинул в рот содержимое чашечки. Женщина молча последовала его примеру. Ее синевато-желтоватое лицо порозовело, а в глазах появился блеск. Проглотив водку, она схватила одну банку частичка в томате и приняласьковырять в ней вилкой. Было видно, что есть тетке не хочется.

– Чего тормозишь? – удивился Геннадий, кивая на стоявшую передо мной синюю кружечку. – Давай, угощаю!

– У меня неприятие алкоголя, – ответила я, – выпью пять граммов, и все – умерла!

Между прочим, это чистая правда, я органически не переношу ничего спиртного. Очень часто люди, услышав подобное заявление, миготом отодвигают рюмку с водкой и наливают мне в бокал вино, приговаривая:

– Тогда вот тебе сладенькое, градуса никакого.

Никто не понимает, что от «дамского» крепленого вина мне делается еще хуже, методом «тыка» я выяснила, что единственный напиток, который не сразу отправляет меня на боко-

вую, – виски. Один раз Олегу на день рождения кто-то подарил бутылку «Джонни Уокера», и я с удивлением обнаружила: жидкость, слегка отдающая самогоном, не бьет мне мгновенно в мозг. Вот уж странно! Вроде крепость у виски и водки одна, но последнюю мне достаточно просто понюхать, чтобы достичь той стадии, которая в медицине называется «патологическое опьянение». Самое трудное в моем положении – это отбиваться от тех личностей, которые считают, что я просто кокетничаю, отказываясь пить, и начинают приставать:

– Давай, выпей за компанию! Что с тобой будет! Ну же! Водка плохо не сделает!

Сейчас Геннадий начнет навязывать мне выпивку и еще обидится, если я не «поддержу компанию».

Но он неожиданно взял мою чашку, осушил ее одним глотком и мирно сказал:

– Вот беда! Тогда не пей, а то помрешь. Это я тебе как врач говорю! Значит, в желудке нужного фермента нет.

Неожиданно женщина, продолжая ковыряться вилкой в банке, тоненько захихикала:

– Хорош доктор, ты же санитар в морге.

Геннадий мгновенно отвесил спутнице оплеуху. Она встряхнулась, словно мокрая собака, и опять занялась консервами.

– Да, – с достоинством заявил Крысин, – я сейчас на самом деле временно нахожусь на дне жизни, но у меня диплом врача, я закончил медицинский, между прочим, – нейрохирург.

– Кто? – изумилась я.

– Мозгоковырятьщик, – усмехнулся Геннадий.

– Но как вы в санитарах оказались?

– Люди вокруг жестокие, – покачал головой Крысин, – заболел я, руки трястись начали, вот и уволили. У нас никто инвалида не жалеет!

На его глазах заблестели слезы. Он налил себе водки, выпил и крякнул.

– Чего тебе надо? – спросил он. – Зачем пришла?

Я потрясла перед ним курткой.

– Узнаете эту вещь?

– Нет, – удивленно ответил Гена, – а надо?

– Вы подарили эту куртку Галине.

– Да?

– Да, примерно год назад. Не помните, где ее взяли?

Крысин захлопал красными, опухшими веками.

Все мое детство и большая часть юности прошли в окружении алкоголиков. Мачеха Раиса была большой любительницей заложить за воротник, она, правда, не валялась в грязи на улице, а употребляла водку в квартире, но суть от этого не менялась. В нашем доме пили все соседи: и мужики, и бабы. Причем те, кто наклюкивался раз в неделю – с вечера пятницы до утра понедельника, искренне считали себя трезвенниками и с презрением относились к тем, кто «употреблял» каждый день, называя их «алкоголиками» и «бухальщиками». Поэтому я очень хорошо знаю, как следует вести себя с любителями выпить.

Я вытащила сто рублей.

– Вспомнишь, где куртку взял, – получишь.

В глазах Геннадия вспыхнул огонь, и он забормотал:

– Где взял, где взял...

– Купил! – заржала баба. – На Тверской!

– Заткнись, – рявкнул кавалер, – с девки снял! Ей-то все равно уже было!

Я положила сторублевку на стол, придавила консервной банкой и поинтересовалась:

– Что за девка? Как зовут?

Крысин засмеялся:

– Ну ты даешь! Разве вспомнишь? Столько времени прошло.

– Попытайся, – попросила я и достала из кошелька еще одну розовую ассигнацию. Геннадий принялся кусать ноготь на большом пальце.

– Ну такая молодая, из неопознанных. Тебе очень надо?

– Да, – кивнула я.

– Тогда журнал посмотри.

– Какой?

Крысин хмыкнул:

– Простой, учета невостребованных тел. Месяц знаешь, когда она к нам поступила?

– Вроде декабрь или конец ноября.

– Откроешь страничку, там все описано: тело, его вид, приметы, одежда, кто доставил.

Усекла?

– И кто же мне разрешит в журнал заглянуть?

Крысин ухмыльнулся:

– Еще двести рублей дашь, подскажу ход!

– Сто, больше нет.

– Ладно, – легко согласился Крысин, – ща, погоди.

Санитар встал, подошел к стоящему на подоконнике старомодному телефонному аппарату, покрутил диск и воскликнул:

– Зинка, привет! Как она, жисть? Ну клево! Придет к тебе герла... эй, тебя звать-то как?

Поняв, что последняя фраза относится ко мне, я быстро ответила:

– Виола, можно Вилка.

– Виола, – повторил Гена и засмеялся, – ну да, сыр такой есть плавленый, ты, Зинка, хохмачка! Покажи ей журнал учета невостребованных тел за прошлый год, зиму. Ну спасибо тебе. Лады. Не беспокойся!

Он аккуратно разместил трубку на рычагах.

– Значит, так, поедешь в морг, найдешь Зину Караваеву, купи ей конфет. Зинка не пьет, она сладкое любит, или торт какой, еще сто рублей дашь. Только завтра, сегодня у нее выходной. Все поняла?

– Вроде, – ответила я, – кроме одного, как к тебе курточка попала?

– Да спер я ее, – хрипло засмеялся Гена, – стал вещи в пакет складывать, вижу, шмотка новая, чистая совсем, девке уже не понадобится, родственников небось нет, может, из провинции прикатила... Все равно одежду уничтожат, ну я и прихватил Гальке, добрый я очень, если живу с какой бабой, только о ней и думаю.

Я вышла на улицу, накинула на голову капюшон и потрусила к метро. Ладно, завтра опять смогаюсь в морг, поболтаю с этой Зинаидой. Кажется, все закончилось. Несчастную Анну Кузовкину убили и ограбили. Наверное, какой-нибудь бомж зашел на почту погреться, увидел, что хрупкая девушка получает приличную сумму денег, пошел за ней и убил. Купюры он вытащил, паспорта, завалившегося за подкладку, не заметил, впрочем, его не обнаружили и сотрудники морга, поэтому труп отнесли к разряду неопознанных.

Да, похоже, никакой книги тут не получится, все обыденно, и от этого страшно. Можно даже не ехать в морг, и так ясно, как обстояло дело. Но я все же отправлюсь к Зинаиде. Мне жаль несчастную Елену Тимофеевну, которая терзается от неизвестности. Наверное, действительно лучше узнать в этом случае правду, как бы ужасна она ни оказалась.

Стараясь спрятаться от колючего ледяного ветра, я добралась до подземки, втиснулась в отвратительно набитый вагон, протолкалась к противоположным дверям, навалилась на поручень и закрыла глаза. Холодные ноги и руки начали медленно согреваться. Покачиваясь на стыках рельсов, состав мчался сквозь тьму. В вагоне стояло напряженное молчание, часы показывали половину четвертого. Замечали ли вы, что примерно до шести вечера в метро царит тишина? Люди либо читают, либо тупо смотрят перед собой. Причем после обеда, где-то в

два, в три, кое-кто начинает разговаривать, а утром вообще кошмар, все несутся по коридорам, словно зомби, на лицах нет никаких эмоций, толпа движется в абсолютном молчании, слышно только шарканье подошв. Вечером – веселей. Появляются парочки и праздничношатающиеся, звучат смех и разговоры. Но утром лично мне, маленькой частице человеческой толпы, несущейся на работу, делается просто страшно. Впрочем, страшно мне стало и сейчас, но не от мрачных лиц соотечественников. Неожиданно в душу вполз ужас: что мне делать в книжном магазине? Как это, раздавать автографы?

К лавке «Огонь знаний» я приплелась в половине пятого, остановилась у входа и перевела дух. Следовало собрать в кулак все мужество, чтобы войти внутрь. У обочины стоял серебристый «Мерседес», около него жалась кучка девчонок. Потом одна из них прислонилась к переднему крылу и оперлась на него. Мигом вылез шофер, кудрявый парень лет двадцати пяти, и заорал:

– Так, пошли отсюда, быстро!

– Это машина Смоляковой? – робко спросила одна из девчонок.

– Да, – сбавил тон водитель, – но это вовсе не значит, что вы ее можете царапать!

– Ой, нам такое в голову не придет! – заверещали девчонки. – Мы обожаем Смолякову.

Можно сфотографироваться на фоне ее тачки?

– Валийте, – разрешил шофер, – я сегодня слишком добрый.

Девчонки захихикали и стали позировать у «Мерседеса».

– Шурик, – раздался тоненький детский голосок, – возьми цветы.

Я посмотрела в сторону магазина. Из «Огня знаний» валила гомонящая толпа. Впереди шла маленькая, ростом ниже меня, худенькая блондиночка с короткой стрижкой. На ней был коротенький светлый свингер из щипаной норки. Маленькими ручками она с явным трудом держала пудовые букеты. Шофер бросился на зов. Он сгреб цветы в одну руку, второй взял писательницу под локоть и повел к «мерсу», приговаривая:

– Осторожнее, лед кругом, еще упадете, ноги сломаете!

– Ну и хорошо, – защebetала Смолякова, – зато сколько новых книг напишу, пока в больнице проваляюсь.

– Пишите больше, – загудела толпа, – нам на радость! Медленно работаете, не ленитесь!

– Побойтесь бога, – обозлился шофер, – убить Миладу Сергеевну решили? Она и так в месяц по книге сдает!

– Так мы за один день читаем! – заголосили тетки, обступая Смолякову. – Ой, можно вас пощупать!

Писательница засмеялась:

– Если очень хочется, то пожалуйста!

– Еще чего! – взъелся шофер. – Придумали тоже! А ну отойдите от Милады Сергеевны, еще попросите кусочек от нее откусить!

– Шурик, – укоризненно прощebetала Смолякова, – не вредничай!

– Вот сфотографироваться можно, – разрешил парень.

Писательница с самой счастливой улыбкой принялась вертеться перед объективами. Наконец она, изящно помахав всем ручкой, влезла в «мерс». На мгновение передо мной мелькнул модный длинноносый сапог на тонком каблуке. Я удивилась, у крохотной Смоляковой, однако, не нога, а лыжа, размер сороковой, не меньше.

Внезапно в передней двери опустилось стекло.

– Вы не успели получить автограф? – прочиркала Смолякова. – Давайте книжку.

– Э... э... – замялась я.

– Не стесняйся, – буркнул Шурик, – Милада Сергеевна не кусается.

– Но... в общем...

Из груди писательницы вырвался легкий вздох.

– Шура, у нас в багажнике есть книги?

Шофер кивнул, вылез и вытащил томик в яркой обложке. Смолякова взяла ручку, простой, копеечный, пластмассовый «Бик», нацарапала пару слов и сунула книгу мне.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

Продолжая мило улыбаться, самая продаваемая писательница года подняла стекло. «Мерс» плавно поехал вперед. На секунду передо мной мелькнуло лицо Смоляковой, без приятной гримасы, очень усталое, даже мрачное. Из магазина вышел мужчина и поставил на освободившееся место парковки два железных столбика с цепочкой. Я открыла книгу, интересно, что следует там писать? «С любовью. М. Смолякова».

ГЛАВА 6

С самым сладким выражением на лице я вошла в магазин и спросила у охранника:

– Где тут встреча с писательницей Ариной Виоловой.

– Через полчаса, – ответил парень.

– Это я.

– Кто?

– Я Арина Виолова.

Секьюрити изогнул одну бровь.

– Да? Очень приятно. Сейчас открою вам парковку.

– Спасибо, не надо.

– Встали у метро? Велите своему водителю подъехать к входу, мы специально место резервируем.

– Не стоит беспокоиться.

– Нет, пусть приедет, – настаивал противный юноша.

Пришлось сказать, что я без машины.

– Пешком?

– Да!

– На метро??

– Да!!

– Ага, – забубнил охранник, – всяко бывает, оно и правильно, ближе к народу, поднимайтесь на второй этаж, в кабинет директора.

Я нашла нужную дверь, толкнула ее и увидела полную даму со слишком ярким макияжем.

– Вы ко мне? По какому вопросу? – настороженно поинтересовалась она.

– Я Арина Виолова!

– Очень приятно, – засуетилась директриса, – будем знакомы, Тамара Львовна. Чай, кофе? Вам парковку открыли?

– Да! – рявкнула я.

Мигом появились чайничек и тарелка с нарезанным тортом, и тут я ощутила легкий укол. «Птичье молоко» было явно куплено для Смоляковой, она во всех интервью рассказывает, что обожает именно это лакомство. Мне достались объедки.

Выпив чай, я согрелась и расслабилась. Наверное, зря обозлилась. Может, они купили два одинаковых торта. Наконец настал час «икс». Меня с почетом вывели в торговый зал и усадили за слишком маленький, неудобный столик. В качестве стула была предложена вертящаяся табуреточка. Я умостила на ней и принялась крутить лежащие передо мной ручки. Тамара Львовна кивнула:

– Начинай, Лена.

Высокая худая темноволосая женщина взяла микрофон и завела:

– Уважаемые москвичи и гости столицы, сегодня вы имеете уникальную возможность получить автограф у молодой талантливой писательницы Арины Виоловой, автора суперпопулярных книг «Скелет бегемота» и «Гнездо в шкафу».

– «Гнездо бегемота» и «Скелет в шкафу», – поправила я.

Лена покраснела.

– Бога ради, извините!

– Ерунда, – улыбнулась я.

– Тут до вас Смолякова сидела, – вздохнула Лена, – нас чуть фанаты не разорвали! Вот у меня голова и закружилась, не обижайтесь.

– И в мыслях не было.

– Спасибо, – обрадовалась Лена, схватила микрофон и заявила: – Встреча с Ариной Виоловой, автором великолепных книг «Бегемот в шкафу» и «Скелет в гнезде»... Ой!

– Попробуйте еще раз, – предложила я, чувствуя, как из глубины души поднимается нечто темное, с зубами и острыми когтями.

Но Лена решила не рисковать.

– Поднимайтесь на второй этаж, – предложила она, – Виолова ждет вас.

Потянулись минуты. По залу бродило множество людей, но ни один не проявил ко мне даже легкого интереса.

– Лена, – сердито сказала Тамара Львовна, – не спи, объявляй, может, заинтересуются.

Лена принялась тараторить. Книги мои она предусмотрительно больше не называла, зато без всякого стеснения сыпала эпитетами: блестящая, талантливая, великолепная, умнейшая, супер-вупер-пупер Виолова... но тщетно. Я, глупо улыбаясь, восседала за столиком, чувствуя себя совершенной кретинкой. Интересно, долго мне придется тут торчать? Наконец к столу подошел мужчина в кепке. Я несказанно обрадовалась, схватила ручку... Дядька глянул на меня.

– Девушка, где тут книги по эзотерике?

Стило выпало из моих пальцев. Впервые в жизни мне захотелось убить человека.

– Направо, за стеллажом «Религия», – быстро ответила Лена.

– Я у нее спросил, – обиделась «кепка», – отчего она сидит и молчит?

– Это автор, Арина Виолова, – затарахтела Лена, – купите ее книжку, она вам автограф даст. Берите, не пожалеете!

– Она писатель? – протянул дядька. – И о чем же пишет?

– Детективы, замечательные, не оторваться.

– Я такое дерьмо не читаю, – буркнул он и удалился.

У меня в носу защипало. Тамара Львовна укоризненно покачала головой:

– Ну и народ у нас, никакого воспитания! Что думает, то и говорит!

От ее заявления мне стало еще хуже, и тут к столику подлетели две потные тетки.

– Ой, как хорошо, что мы вас застали! – сказала одна.

– Все ваши книги прочитала, прямо умираю по ним, – добавила другая, – подпишите, меня Варя зовут.

Я взяла ручку, чувствуя огромную радость, значит, не зря пришла, кто-то читал Виолову. Но тут мой взгляд упал на обложку услужливо подsunутой книжонки. «М. Смолякова. Бассейн с пираньями».

– Простите, но я Арина Виолова, – заявила я.

– Да? – растерянно сказала Варя. – То-то я гляжу, вроде Милада Сергеевна по телику другая. А почему на двери объявление про встречу со Смоляковой?

– Так она уже уехала, – ответила Лена, – два часа автографы раздавала, ей прямо руку скрючило.

Я практически никогда не плачу, но сейчас к глазам подступили слезы.

– Купите Виолову, – предложила Тамара Львовна.

– Да, – протянула Варя, – ну... оно, конечно... нет, погодим пока.

Женщины отошли в сторону и зашептались, разглядывая меня.

– Сегодня плохой день для торговли, – заявила Лена.

– Да, – подхватила Тамара Львовна, – народу никого, в следующий раз стойки снесут!

Сотрудницы книжного магазина явно старались утешить не пользующегося популярностью автора, мне же понадобилась вся сила воли, все умение держать себя в руках, чтобы позорно не разрыдаться на виду у читателей чужих книжек.

И тут Варя приблизилась к столику.

– Давайте «Гнездо бегемота», попробуем.

– Правильное решение, – засуетилась Лена, – ах, как хорошо, видите, Арина, как вас любят! Сейчас люди валом пойдут.

Но больше никто не пришел. После окончания встречи я зашла в супермаркет, купила в кафетерии стаканчик сока и, прислонившись спиной к батарее, принялась прихлебывать напиток. На душе было гадко.

– Да не расстраивайтесь вы так, – раздалось сбоку.

На столик шлепнулся пакетик с глазированными сырками. Я подняла глаза и увидела Лену.

– Наплюйте, – сказала она.

– Легко сказать, вон у Смоляковой сколько читателей, – вздохнула я.

Лена обняла меня за плечи.

– Между прочим, пять лет назад ее никто не знал. Очень хорошо помню, как «Молодая гвардия» Миладу впервые на встречу позвала. Еще хуже, чем у вас, получилось, ни одной книжки не продали. И, между нами, пишет-то она ерунду, ваши дюдики намного больше всем нравятся!

Неожиданно Лена показалась мне очень симпатичной.

– Но ее покупают! – возразила я.

– Знаете, в чем дело, – улыбнулась Лена, – она количеством берет, настрогала сорок книжек, вот народу и стало интересно. Попомните мое слово, вы на пятнадцатом детективе станете такой известной, такой знаменитой, такой... в общем, лучше Смоляковой! Ладно, я побежала, меня дома сын ждет.

Схватив пакет с сырками, она растворилась в толпе. Я мрачно посмотрела ей вслед. «На пятнадцатой книжке!» Легко сказать! Их ведь еще написать надо! А у меня полный аут с сюжетами. История с Аней Кузовкиной из загадочного похищения превратилась в банальное ограбление. Вот съезжу завтра в морг, к Зинаиде, а потом... Не знаю, что потом! Куплю водки и напьюсь с горя!

Зинаида оказалась круглощечкой, румяной девахой, а книга учета невостребованных тел – компьютером.

Увидев торт с приложенным конвертиком, Зиночка вспыхнула огнем, быстро спрятала «борзого щенка» в сумочку и радушно предложила:

– Может, чайку? С вашим тортиком.

Но я поспешила отказаться. В помещении, где сидела Зина, было чисто, но в нем стоял очень неприятный запах непонятного лекарственного средства, и никакой охоты вкушать бисквит с кремом у меня не было.

– Кого ищем? – деловито осведомилась Зинаида и включила системный блок.

По экрану заскакали надписи.

– Девушку двадцати лет с небольшим, одетую в белую куртку с меховым воротником. Пропала год назад.

– Ясенько, – протянула Зина и потянулась к мышке.

Во весь компьютер появилось изображение жуткого одутловатого лица. Я поспешила отвернуться.

– Правильно, – одобрила Зина, – с непривычки стошнить может, некоторые совсем отвратительно выглядят.

Какое-то время она молча щелкала клавишами, потом воскликнула:

– Вот, кажется, нашли! Труп молодой женщины, предположительно двадцати лет. Одетая в белую куртку с мехом, синие джинсы «Коллинз», красный свитер без ярлыка, черные колготки, трусы белые, сапоги кожаные, серые, на шпильке, производство Италия. Документы и личные вещи отсутствуют, особая примета: на левом предплечье татуировка: сердце, внутри написано «Вадим». Она? Да вы взгляните, не бойтесь, совсем не страшно.

Я осторожно глянула на экран. Передо мной была самая обычная девушка, с простым, абсолютно незапоминающимся лицом. Небольшой нос слегка вздернут, рот приоткрыт, глаза тоже. Кто-то постарался, чтобы она выглядела как живая, ей даже аккуратно причесали волосы, но все равно отчего-то сразу становилось понятно, что перед вами тело без души, просто оболочка.

– Она? – спросила Зина.

Я заколебалась. До сих пор я видела Аню только на фотографии в паспорте. Я вытащила красную книжечку. Вроде похожа, нос такой же. А может, нет, глаза, кажется, другие, и волосы лежат иначе.

– Не пойму никак, – пожалала я плечами.

Зина заглянула в паспорт.

– Ну разве так разобрать. Фотки на документах жуткие, как только в них милиция ориентируется. К нам иногда привезут тело с улицы, ну ДТП, допустим, все документы при нем: права, паспорт, служебное удостоверение, начинаешь смотреть, ну прямо бред, везде разные снимки, на одних блондином смотрится, на других брюнетом, мрак.

– А что с ней случилось?

– Сейчас посмотрю. Ага, понятно, умерла.

Однако замечательный ответ, естественно, что в морг не привезли живую.

– Какая причина смерти?

– Так... – забормотала Зина, – перфорация матки, похоже, аборт она сделала не у профессионала. Эх, дуры девки!

– Что?

Я продолжала смотреть на снимок.

– А откуда ее доставили?

– Секундочку! Ломакинская улица. Жильцы сообщили, в подъезде она сидела, на лестнице, на ступеньке. Сначала, должно быть, подумали, пьяная. А когда разглядели, перепугались и милицию вызвали.

Я поблагодарила приветливую Зиночку и двинулась в сторону метро. Что ж, дело за малым. Сейчас съезжу к Елене Тимофеевне, узнаю у нее, была ли у Ани татуировка на руке, а потом направлю несчастную мать в морг. Если говорить честно, я ни секунды не сомневалась: в подъезде была найдена Кузовкина Анна Филипповна и по истечении положенного срока похоронена как неопознанная.

Что-то во дворе дома Елены Тимофеевны показалось мне странным. Отчего-то около ее подъезда отсутствовал снег, зато там было полно черных луж. Внутри подъезда пахло гарью, на ступеньках лестницы кучками лежали какие-то тряпки, обрывки бумаги, осколки посуды. Я поднялась на пару пролетов вверх, шагнула в сторону квартиры Елены Тимофеевны и... онемела. Двери не было. Вместо нее зиял обгорелый проем, за ним открывался коридор, вернее, то, что от него осталось. На полу квартиры валялись обгорелые остатки вещей и мебели, в воздухе висел омерзительный запах, повсюду виднелись жирные клочья сажи.

Я вошла внутрь обгоревшего помещения и крикнула:

– Есть тут кто? Отзовитесь!

Послышалось звяканье, и из глубины пожарища вынырнула женщина лет пятидесяти. На руках у нее были резиновые перчатки.

– Вы агент? – мрачно спросила она. – Не ходите дальше, испачкаетесь, подождите на лестнице, сейчас выйду.

Я покорно втянула голову в плечи, попятилась и снова вздрогнула: дверь в квартиру Лизы болталась буквально на одном гвозде, и внутри, насколько хватало глаз, было черно. Впрочем, вход в третью квартиру, расположенную слева, выглядел не лучше. Похоже, огонь уничтожил все жилье на этом этаже.

– Похороны у нас в пятницу, – сообщила тетка, появляясь передо мной, – никаких излишеств не надо, денег нет. Гроб самый простой, дешевый, без украшательств, один!

– Простите, – я осторожно перебила ее, – где Елена Тимофеевна?

Женщина запнулась.

– Вы кто?

– Э... э... я частный детектив.

– Кто?!

– Елена Тимофеевна пару дней назад наняла меня, чтобы узнать, куда подевалась ее дочь, Аня.

– Деньги ей девать было некуда! – всплеснула руками тетка. – Ну учудила! А я теперь из своего кармана похороны оплачивай! Умерла Лена, сгорели они все.

У меня закружилась голова.

– Все?

Женщина устало прислонилась к стене.

– Звать-то вас как?

– Виола.

– Ну а я Мария Тимофеевна.

– Вы сестра Елены Тимофеевны? – догадалась я.

Она кивнула.

– Вон, видишь, что случилось, один пил, а все пострадали. Убивать таких надо! Но нет! Сам жив остался.

– Кто?

Мария Тимофеевна кивнула в сторону крайней слева квартиры.

– Сережка Лыков, алкоголик чертов. Сколько он тут людям в подъезде пакостил, словами не передать! Нажрется водки, и понеслось. То окна побьет, то дверь входную сломает, то на лестнице наблюдает. А самое страшное: курит он. Завалится в кровать с сигаретой и засыпает. Два раза уже горел, но его спасали. В апреле Лена дым унюхала, вызвала пожарных. Очень вовремя успели, у Сережки уже пол занялся. Потом в августе он опять с сигаркой уснул, и вновь ему повезло, огонь по занавескам побежал. Жара, окна открыты. Мужики во дворе увидели, кинулись в дом, дверь пинком выбили и загасили все. Очень уж народ в последний раз перепугался, ведь сгорит подъезд из-за одного дурака! Сережку даже побить хотели, да пожалели, и, выходит, зря. Видите, что получилось? Все выгорело, ночью вспыхнуло, люди крепко спали. Сам он обгорел только, а на тот свет троих отправил: Лену, Полину, соседку Лизу, никого не осталось. Три трупа увезли, да таких страшных, одно название что люди, головешки черные.

И она судорожно вздохнула, я молча стояла, разглядывая то, что осталось от квартир. Пьяница, засыпающий с непотушенной сигаретой, – настоящее бедствие для окружающих. Рано или поздно тлеющий окурочок выпадет из пальцев. Хорошо, если он потухнет, но чаще бывает наоборот, упадет на тряпки или газеты, мигом вспыхнет костер. Очень часто алкоголики гибнут от собственной беспечности, и что уж совсем ужасно, при этом страдают абсолютно невинные люди, которым не повезло с соседями.

– Вот оно как бывает, – прошептала Мария Тимофеевна, – сначала Анечку убили, а потом и Лена с Полей на тот свет ушли. Господи, пошли им там встречу.

– Откуда вы знаете, что Аню убили? – машинально спросила я.

– А что они еще с ней сделали? – удивилась Мария Тимофеевна. – Деньги несла с почты, кто-то и позарился. Анечка-то хорошая девочка была, только бог ей счастья не дал. Сначала Ваня погиб, жених ее, потом сама преставилась. Царствие им всем небесное, земля пухом.

И она начала широко креститься, приговаривая:

– Пресвятая Дева, прости нам грехи тяжкие.

Я продолжала тупо обозревать головешки. В душе было пусто, нужно распрощаться и уйти, но ноги отчего-то отказывались мне повиноваться.

– Ой, – послышалось снизу, – ой, нет, это неправда.

– Ты не волнуйся, – закричал другой голос.

– Ой, что вы говорите, – частило девичье сопрано, – нет! Не может быть! Сейчас умру!

– Стой, погоди!

– Пустите, я посмотреть хочу.

– Не на что смотреть.

– Отвяжитесь!

Послышался грохот, вскрик, шум шагов, и передо мной возникла раскрашенная, растрепанная Лиза с сумкой в руках.

– Лиза! – закричала Мария Тимофеевна, отступая к стене. – Ты жива?

– Ага, – растерянно кивнула девушка, – вроде. Мамочки! Моя квартира!

Бросив на пол сумку, она рванулась на пепелище.

– Кошмар, – послышался ее задыхающийся голосок, – катастрофа! Где теперь жить-то!

Причитания сменились бурными, истерическими рыданиями.

– Во дела, – выкрикнуло новое действующее лицо: полная старуха в синем халате, – Лизка-то живехонька! Кого же из ее квартиры вынесли?

– Не знаю, Клавдия Степановна, – растерянно пробормотала Мария Тимофеевна, – сама никак в чувство не приду, я Лизочку за покойницу посчитала, а тут смотрю – по лестнице идет, вот уж стресс!

– Надо ее оттуда увести, – воскликнула Клавдия Степановна, – еще в обморок упадет!

Мы вошли в квартиру и нашли Лизу около подоконника, вернее, около того, что было когда-то подоконником.

– У меня тут кактус в понедельник зацвел, – растерянно сказала она, увидав нас, – никогда не распускался, и вдруг такая красота. Очень жаль.

– Ты, деточка, лучше радуйся, что жива осталась, – вздохнула Мария Тимофеевна, – чего дома не ночевала?

– К подружке поехала, – пояснила девица, – день рождения у нее был, выпили немного, меня развезло, вот и осталась.

– Считай, второй раз родилась, – покачала головой Мария Тимофеевна.

– Кого же тогда из твоей квартиры вынесли? – полюбопытствовала Клавдия Степановна.

– Как вынесли? – побелела Лиза.

На всякий случай я пододвинулась поближе к ней, еще упадет сейчас в обморок.

– Так Елену Тимофеевну и Полину у них нашли, – заявила не отличавшаяся тактичностью Клавдия Степановна, – Сережка, ирод, у себя был, а у тебя кто? Тело обнаружили, мы-то грешным делом сказали милиции: «Лиза это, она одна жила». Тебе теперь надо поторопиться. Беги к домоуправу, пусть сообщит куда надо, а то объявят умершей, потом намучаешься документы выправлять. Эй, ты чего? Стой!

Лиза сделала шаг вперед, вытянула руки и, вскрикнув:

– Рита! – обвалилась в кучу липкой сажи.

Я, хоть и подозревала, что события могут развиваться подобным образом, не успела подхватить ее.

ГЛАВА 7

В себя Лиза пришла часа через два. За это время мы успели отнести ее к Клавдии Степановне, вызвать «Скорую» и милицию. Прибывший из отделения молодой парень начал расспрашивать Лизу, я и Клавдия Степановна тихонько сидели на кухне. Квартира у старухи была крохотной, однокомнатной, и нам было отлично слышно, о чем беседуют Лиза и лейтенант.

Все оказалось очень просто, Лиза собралась на день рождения к своей бывшей однокласснице. В тот момент, когда она раздумывала, какое платье надеть, чтобы вызвать завистливые вздохи присутствующих, ей позвонила Рита Моргулис и попросила:

– Пусти нас с Костей на пару часов к себе.

У Лизы две комнаты, жила она одна и охотно помогала подружкам, которым негде было встречаться с любовниками. Рита жила вместе с ненормальной матерью, которая никогда не разрешала привести в дом мужчину.

Естественно, Лиза ответила:

– Валяйте, вся квартира в вашем распоряжении, вернусь поздно. Только ключ у меня один, тебе придется ждать, пока я вернусь.

– Без проблем, – заверила Рита.

Около полуночи Лиза, понимая, что перебрала и не способна передвигаться, позвонила домой и сказала:

– Не приеду, перепила малость. Ты не уходи, дверь-то без ключа не закрыть.

– Не волнуйся, – заверила ее Рита, – лягу спать. Костик домой побежал, к жене, а я у тебя покемарю, только утром очень не задерживайся, мне на работу надо.

Но Лиза продрыхла под воздействием алкоголя слишком долго, потом проснулась и помчалась домой, даже не попив кофе. По дороге она старательно подбирала слова, которые скажет Рите, опоздавшей из-за нее на службу. Дальнейшее вы знаете.

Записав показания, милиционер ушел. Мы с Клавдией Степановной принялись хлопотать вокруг бледной Лизы.

– Вот несчастье, – причитала старуха, – где же теперь жить станешь?

И тут Лиза рассказала новую историю. Пару месяцев назад ее парень, Юра Кравец, устроился на работу в страховую компанию агентом. Юноше предстояло бегать, стаптывая ботинки, в поисках клиентов. Чтобы помочь любимому, Лиза решила застраховать свое жилье по полной программе, а Юрка, желая угодить любовнице, составил бумаги таким образом, что в случае каких-либо неприятностей Лиза должна получить нехилую сумму в сто тысяч долларов.

– Разве такое возможно? – недоверчиво спросила я. – Уж больно много денег! Квартира столько не стоит.

– Так в страховку включили еще мебель, ковры, сантехоборудование, – принялась перечислять Лиза, загибая пальцы, – ну и Юрка, конечно, немного схимичил, чтобы мне побольше дали! Ой, теперь куплю себе новую жилплощадь, давно хотела из этого барака уехать! Вот радость-то!

Меня передернуло. Она что, забыла про смерть двух взрослых людей и одного ребенка? Клавдии Степановне бурное ликование Лизы тоже показалось странным, старуха перекрестилась и пробормотала:

– Да уж, кому война, кому мать родна...

Лиза внезапно осеклась. Ее счастливый смех перешел в рыдания. Мы вновь кинулись капать ей валерьянку. Через некоторое время, когда Лиза наконец взяла себя в руки, я спросила у нее:

– Где же ты жить будешь?

– У подружки пока, – вздохнула та, – у нее мать хорошая, не выгонит.

Лиза вытащила из сумочки зеркало, старательно напудрила нос и тут только сообразила спросить:

– А вы чего тут? Никак про Аню разузнали?

Я поколебалась секунду, стоит ли сейчас затевать разговор, Лиза только что пришла в себя, но потом все же решилась.

– Скажи, у Ани была татуировка на плече?

Девушка засмеялась:

– Ну вы спросили! Татушка!

– А что особенного, сейчас у многих, в особенности у молодых, наколоты картинки!

– Да Аньку бы Елена Тимофеевна убила, приди ее дочке в голову идея так разукраситься, – заявила Лиза, – на порог бы ее не пустила! Тетя Лена Ане ничего не разрешала, уши проколоть и то запретила. Сколько Анька от нее натерпелась, пока беременная ходила! И не рассказать, мать прямо испыняла ее, все ворчала: «Позор, в подоле принесла». А чего такого? Ведь не при царе Горохе живем. Хотя Анька бы сама не стала себя так разукрашивать, не нравились ей тату. А у меня, гляньте.

И Лиза задрала брючину. У щиколотки виднелся маленький красно-синий дракончик.

– Правда, стебно? – спросила она.

Я кивнула, какой смысл объяснять Лизе, что носить татуировку вульгарно? Она уже ее сделала. Впрочем, может, я старею, становлюсь безнадежно немодной? Во времена моего детства иметь наколку считалось дурным тоном. Позволяли их себе только мужики, причем максимум, на что они были способны, – это небольшой синий якорь. Им украшались те, кто проходил службу на флоте. А еще многие накалывали имя любимой женщины, но тут возникали проблемы. Наш сосед Виктор щеголял надписью «Галя», но спустя некоторое время он развелся с женой и со злости переделал тату, просто добавил к ней еще одну черточку, и получилось «Таля». А еще помню, как мачеха, придя с работы, сурово сказала:

– Не смей никогда ходить в гости к Алке Колпаковой!

– Почему? – удивилась я.

– Мать ее с зоны вернулась, – рявкнула Раиса, – вся в наколках! Стыдобища! Вообще срам потеряла! Не баба, а географическая карта, синяя вся! Хватит спорить, велено не ходить, так не ходи! Не пара тебе Алка, ничему хорошему у ней в доме не научат. Тьфу, чистый папуас.

Так что я выросла с сознанием того, что женщине иметь татуировку позорно. Но сейчас иные нравы, поэтому читать мораль Лизе не стану.

– Классно вышло, – она вертела изящной ножкой, – мы вместе с Ксюхой пошли. Больно, правда, но терпеть можно. Ксюха, дура, наколола себе сердечко, а внутри имя «Вадим». Ну не глупость ли? Кто он ей? Не муж же, не родственник. А я умная...

У меня закружилась голова.

– Значит, у Ани татуировок не было?

– Нет, конечно.

– А у твоей подружки Ксюши имелось сердечко с именем «Вадим»?

– Ага.

– И где сейчас Ксюша?

Лиза пожала плечами:

– Понятия не имею.

– Что так?

– Мы уже больше года не встречаемся.

– Почему?

– Она у меня губную помаду сперла, я Аньку предупредила, не дружи с Ксюхой! Только Анька отмахнулась, – надулась Лиза, – и продолжала с ней встречаться.

– Где Ксюша живет?

– На Касаевской.

– Это далеко?

– Минут пятнадцать на автобусе, – пояснила Лиза, – дом у нее такой странный, сам серый, балконы зеленые. А вам зачем?

– Ты мне телефон Ксюши дай.

– Не помню.

– В книжке посмотри.

Лиза неожиданно замолчала, потом воскликнула:

– Во, блин! Она же сгорела, вместе со всем. Вы чего, к Ксюхе собрались?

– Да.

– Зачем?

– Можешь адрес назвать?

– До остановки «Молокозавод» на семьдесят пятом, чуть вперед пройдете, увидите дом с зелеными балконами, ее подъезд первый по ходу, этаж последний, квартира слева, крайняя, – оттарабанила Лиза. – А за каким фигом вам Ксюха?

– Потом объясню, – отмахнулась я и ушла. На улице совсем стемнело. Тащиться в незнакомый район, когда вокруг стоит чернильная темень, не очень хотелось, поэтому я пошла не на остановку наземного транспорта, а к метро. Лучше поеду домой. Утро вечера мудреней. Может, завтра в доме с зелеными балконами меня встретит веселая девочка Ксюша. Но что-то мне подсказывало: Ксюши нет в живых, это ее похоронили как неопознанное тело. Почему на девочке была куртка Ани и куда подевалась сама Аня, оставалось неясно. И если тело Ксюши, пролежав довольно долгое время в морге, было кремировано за госсчет, значит, несчастные родители ничего не знают о судьбе своей дочери и мой долг рассказать им правду.

Дома я застала Тamarочку и Марину Степановну. Мама Вована вполне мирно сидела на кухне, держа на руках Никитку.

– Вы, молодые, – вещала она, – ничего по-хорошему сделать не умеете. Пихнули мальчонку в стульчик и забыли! Ребенка развивать надо. Вот так! Ай люшеньки, люшеньки, идут агушеньки.

Никитка заливался счастливым смехом, Марина Степановна делала ему козу, оба казались невероятно довольными. Я удивилась, утром гостя не произвела на меня приятного впечатления.

– Вилка, будешь мясо? – спросила Томочка.

Я плюхнулась на стул.

– Да.

– Добрый вечер, Виолетта, – церемонно кивнула Марина Степановна.

Я улыбнулась и вцепилась в отбивную. Виолетта так Виолетта, спорить не стану. Хотя, может, стоит называть ее Маргаритой Степановной? В свое время у меня был кавалер, Женя Редников. У него имелось невероятное количество родственников: тетушек, дядюшек, племянников. За год, что мы провели вместе, нас все время звали на свадьбы, похороны, дни рождения. Так вот, стоило Женьке возникнуть на торжественной церемонии бракосочетания какой-нибудь своей пятиюродной сестры, как присутствующие дамы мигом налетали на него с вопросом: «Женечка, когда же ты станешь следующим, когда пойдешь в загс?» Редников дико злился, но поделаться со старухами ничего не мог. Они делали вид, что не замечают, насколько ему неприятно их любопытство, и упорно подталкивали парня к женитьбе. Потом вдруг разом перестали. Я очень удивилась, когда на очередной торжественной церемонии, где женихом выступал родной брат Женьки, никто из присутствующих женщин не накинулся на Редникова.

– Бабушки решили оставить тебя в покое? – хихикнула я.

– Нет, – буркнул Женька, – я побил их тем же оружием.

– Это как? – изумилась я.

– А на похоронах подошел к каждой и мило поинтересовался: «Ах, когда же вы станете следующей!» – рявкнул Женька. – Очень хорошо помогло, мигом охоту приставать потеряли. Имей в виду: кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет...

– Вилка! – заорала Кристина, влетая в кухню. – Чего расскажу!

Томочка уронила половник, я от неожиданности откусила слишком большой ломоть свинины и чуть не подавилась, а Марина Степановна укоризненно заявила:

– Девочке неприлично издавать такие громкие звуки! Девочку украшает нежный голосок.

Я с трудом проглотила кусок свинины. Интересно, своей невестке, эстрадной певице Лоре, с зычным, густым басом, Марина Степановна тоже повторяет эту фразу?

Но нашу Крестю трудно сбить с намеченного пути. Девочка плюхнулась на диван и радостно заверещала:

– У нас очень интересные суставы в указательном пальце!

– Да? – вежливо изобразила интерес Томочка. – И что в них такого?

Крестя захихикала:

– Оказывается, если ты всунешь палец в горлышко пивной бутылки, то назад ни за что не вынешь!

– Господи! – подскочила Марина Степановна. – Зачем мне палец туда совать!

– Почему же палец не достать? – удивилась я. – Если он внутрь пройдет, то и наружу можно вытащить.

– Нельзя, так нам Алиса Евгеньевна сказала, биологичка!

– Глупости, – рявкнула Марина Степановна, – ваша учительница ненормальная!

– Вовсе нет, – рассердилась Кристина, – она классная! Эх, видели бы вы, какой у нее пирсинг в ноздре.

– Что в носу? – не поняла Марина Степановна.

– Сережка, – вздохнула Тamarочка.

– Что?!

– Серьга.

– Ну и ну, – покачала головой мать Вована, – дожили! Вот какие люди детей учат! Естественно, что от них ничего, кроме глупостей, не услышать! Палец из бутылки не вынуть! Бред!

– А вот и нет! – заорала Кристина.

– Да, – топнула ногой Марина Степановна, – идиотизм!!!

Так, сейчас Кристина закричит: «Вы сами кретинка!» – и тихий, мирный вечер превратится во вселенский скандал. Но девочка, против ожидания, не накинулась на обидчицу любимой преподавательницы с кулаками. Кристина вскочила и вылетела в коридор. Я перевела дух, Томочка, предусмотрительно не принимавшая никакого участия в споре, стала заваривать чай.

– Отвратительно, – злилась Марина Степановна, – серьга в носу! Чему такая особа научит!

Я уткнулась в тарелку, надо бы уйти к себе, да жаль оставлять Тamarочку одну с этой гарпией.

– Здравсьте всем, – сказал папенька, входя в кухню, – во, девки, сварите креветочек.

С этими словами он швырнул в мойку два шуршащих пакета, а потом водрузил на стул сумку, в которой звякали бутылки.

– Никакого пива! – сердито сказала я.

– Ну, доча, – заныл Ленинид, – не вредничай, и вообще, мне доктор прописал!

Я удивилась, несколько дней назад папеньку скрутила боль в желудке. Ленинид понесся к докторам и пришел очень грустный.

– Язва у меня, – шепотом сообщил он, – вот до чего жисть довела! Эх, мало хорошего я видел, одни зоны!

Я хотела было справедливо возразить папеньке, что в тюрьму он каждый раз попадал по собственной инициативе. Очень прошу вас, не подумайте, что Ленинид был диссидентом, борцом за социальную справедливость. Нет, мой родитель – банальный вор, правда бросивший криминальную стезю. Сейчас он честно трудится на мебельной фабрике. Впрочем, имея такую жену, как Наташка, не забалуешь. У нее хуже, чем на зоне: даже шагать вправо или влево не понадобится, достаточно лишь подумать о чем-то крамольном, и сразу расстрел без предупреждения. Поэтому я ответила отцу:

– Не стеной. Язва сейчас лечится за неделю, пропьешь курс таблеток, и здоров.

Папенька тяжело вздохнул и теперь не забывает при каждой возможности вспоминать язву.

Ленинид вытащил из сумки «Клинское».

– Что же тебе сказал доктор? – поинтересовалась Томочка.

– Если уж очень захочу выпить, то ни водку, ни коньяк, ни вино, а чуток пива, – ответил Ленинид. – Эх, хорошее дело!

Марина Степановна брезгливо отодвинулась от стола.

– Хотите глоточек? – радостно предложил ей папенька. – Не познакомились мы. Здравствуйте, Ленинид, отец Вилки...

Уж не знаю, что собралась ему ответить мать Вована, судя по ее сжавшимся в нитку губам, ничего хорошего, но тут в кухню влетела Кристина и заорала:

– Вот!

Я с удивлением посмотрела на нее и улыбнулась. На ее пальце висела бутылка.

– Кристина! – сердито сказала Томочка. – Мы все поняли. Пошутила, и хватит. Вынимай палец.

Девочка покачала головой:

– Не получается.

– Отвратительное поведение! – процедила Марина Степановна, прижимая к себе Никитку. – Хотя чего ждать, если бедный подросток живет в такой семье! Вы и этого младенца испортите!

– Немедленно вытащи, – обозлилась я.

Кристя попыталась выдернуть палец, но ничего не вышло.

– Ерунда, – рявкнула Марина Степановна, – потряси сильней!

– Что случилось-то? – засуетился Ленинид.

Я быстренько ввела папеньку в курс дела, Томочка так и этак пыталась вытащить Кристин палец.

– И правда ничего не выходит, – выдохнула она, – рука, наверное, отекает.

– Да разбейте бутылку, – посоветовала Марина Степановна.

Мы подвели Кристю к мойке, и я осторожно ударила по бутылке разделочной доской. Но толстое стекло устояло.

– Мне больно! – заорала Кристя.

– Если даже раскокаем бутылку, горлышко останется на пальце, – засуетилась Томочка, – получится эффект неснимающегося кольца.

– Кристя, одевайся, поедem в травмопункт! – рявкнула я.

Кристя пошла в прихожую.

– Все равно бред! – кипятилась Марина Степановна. – Что влезло, то и вылезти должно!

Не верю! Девочка придуряется.

Ленинид вышел в коридор.

– Где полис Кристинки? – спросила я. – Нас без него не примут.

Томочка побежала к себе в спальню. Никитка весело агукал, прыгая на руках у Марины Степановны. И тут в кухню вернулся Ленинид, тихим шагом пересек помещение и молча сел на табуретку. Меня что-то кольнуло, я подняла глаза, глянула на папеньку и заорала:

– С ума сошел!

На пальце у него висела бутылка.

– И правда не вылезает, – грустно сказал он, – вертел-вертел, никак!

– Немедленно ступай за пальто, – прошипела я, – потом побеседуем!

В метро мы произвели фурор. Правда, сначала Ленинид и Кристя, стесняясь окружающих, прикрывали бутылки, но потом им надоело так сидеть. Пассажиры, увидав сладкую парочку, зашушукались. Наконец одна тетка не выдержала и спросила:

– Рекламируют чего? Не пойму никак.

– Нет, – ответила я, – пальцы в горлышко засунули, указательные.

– Зачем? – влезла в разговор девочка, одетая в клочкастую шубейку.

Я глубоко вздохнула и стала объяснять ситуацию. На этом мои мытарства не закончились. Ленинид и Кристя перестали стесняться и принялись рассказывать вновь входящим, каким образом на их пальцах оказались бутылки. Каждый раз рассказ вызывал одну и ту же реакцию: «Не может быть, если туда вошел, то и назад непременно должен выйти».

В травмопункте я ввела парочку в кабинет к доктору. Тот внимательно выслушал «анамнез».

– Понятно, – протянул врач, – сначала ребенок, а потом его дедушка засунули пальцы в горлышко, что ж, бывает.

С абсолютно равнодушным лицом он начал мыть руки. Кристя и Ленинид прижались друг к другу, им явно стало страшно, а у меня возникло очень неприятное ощущение, ну как у главы семейства олигофренов. Вытерев пальцы, врач подошел к Кристе и сделал быстрое движение. Она вскрикнула, палец выскочил наружу. Через секунду та же процедура была проделана с Ленинидом.

– Свободны, – сообщил хирург, – Анна Ивановна, кто следующий?

– Мальчик трех лет с ластиком в носу, – ответила медсестра, потом повернулась ко мне: – Чего стоите?

– Но у них пальцы похожи на сардельки, – робко сказала я.

– А вы чего хотели! – рассердился хирург. – Теперь только часа через три отек спадет.

– Почему?

– Ступайте себе, – сурово заявила медсестра, – недосуг болтать, очередь сидит. Постеснялись бы, взрослые люди, не дети ведь, а глупостями занимаетесь!

Естественно, на обратном пути Ленинид и Кристя болтали без умолку и довели меня почти до бешенства.

Томочка открыла дверь и затряслась от хохота.

– Тебе смешно, – вздохнула я, – прикинь, как все в метро веселились.

Но подруга застонала и замахала руками. Столь бурная реакция всегда спокойной, даже слишком уравновешенной Тамары очень удивила меня.

– Там, – сквозь приступ хохота бормотала Томочка, – там...

– Что, где? – засуетилась я.

– Иди в кухню, – простонала подруга, по ее лицу текли слезы.

В полном недоумении я побежала туда и вначале не обнаружила ничего интересного. Никитка сидит в стульчике и колотит пластмассовым молоточком по столу, Марина Степановна стоит у окна. Я хотела было спросить у Томочки, зачем она отправила меня сюда, но тут мама Вована повернулась.

Вы не поверите, вы, безусловно, мне никогда в жизни не поверите, но у нее на пальце висела бутылка! Марина Степановна, как все упертые пожилые люди, решила доказать собственную правоту. А теперь угадайте с трех раз, кто повез ее в травмопункт?

В метро она сидела, опустив руку в пакет, издали казалось, что у несчастной сломана кисть, поэтому никакого ажиотажа в подземке мы не вызвали. Цирк начался в травмопункте.

Увидав нас, хирург нахмурился.

– Такое ощущение, что мы уже встречались сегодня, – процедила медсестра.

– Правильно, – залебезила я, – привозила к вам девочку и дедушку, они были с бутылками на пальцах.

– А теперь чего? – буркнул хирург.

– Вот, гляньте на бабушку.

Марина Степановна вынула руку из пакета.

– О господи! – воскликнула медсестра. – Вы над нами издеваетесь!

Хирург молча встал и пошел к умывальнику.

– Все нет, – извиняющимся тоном сказала я, – просто когда люди слышат про эту историю с бутылкой, у них миглом возникает здоровое желание проверить утверждение на практике, потому что кажется...

– Если еще кого сегодня приведете, – оборвала меня медсестра, – то имейте в виду, ничего делать не станем.

– Успокойтесь, Анна Ивановна, – сказал доктор, вытирая руки, – мы не имеем права отказывать в помощи людям, даже таким, как эти.

Спустя секунду Марина Степановна была освобождена.

– А правда, – задумчиво пробормотал врач, – отчего же он не выходит? Ведь должен!

На его лице появилось выражение мальчика, который запихивает картофелину в выхлопную трубу автомобиля. Понимаете, что я имею в виду? Ну такая гримаска естествоиспытателя.

Я схватила Марину Степановну за плечо и выволокла в коридор, надо бежать из этого травмопункта со всех ног, потому что хирург тоже пал жертвой эпидемии. Сейчас он не сумеет удержаться от желания проверить тезис на практике, сунет палец в бутылку, а суровая медсестра поколотит ни в чем не повинного человека, то бишь меня.

ГЛАВА 8

Лиза очень точно описала дорогу. Дом и нужную квартиру я нашла без всякого труда. Звонить в дверь не пришлось, она была раскрыта.

– Можно войти? – крикнула я.

Но ответа не последовало, очевидно, хозяева смотрели телевизор и ничего не слышали за раскатами музыки. «Ну что ж ты страшная такая...» – неслось из комнаты. Пришлось, наплевав на приличия, заглянуть внутрь без приглашения. Там и впрямь обнаружился орущий телевизор, а на диване лежал оглушительно храпящий небритый мужик. Я потрясла хозяина за плечо.

– Эй, проснитесь.

– Отвяжись, – пробормотал тот, не открывая глаз.

– Опять дверь не запер, – донеслось из коридора.

Я выпрямилась. Высокая, очень худая женщина вошла в комнату и вскрикнула:

– Вы кто?

– Виола Тараканова. Простите, я вошла без спроса, но дверь была открыта, а на мой крик никто не отзывался.

– Когда напьется – его не добудиться, – вздохнула женщина. – Вы откуда? С биржи труда? Проверяете, не устроился ли он тайком на работу? Можете не бояться, этот ни за что ломаться не станет, пока пособие идет.

– Нет, я пришла по другому вопросу. Скажите, у вас была дочка Ксюша?

– Кто?

– Девочка Ксюша, Ксения.

– Нет, мою зовут иначе.

– Тетя Зина, – заорал в прихожей голос, – мама спрашивает яйцо в долг!

– Иди сюда, не визжи, – ответила Зина.

В комнату вошла ярко накрашенная девица лет двадцати пяти.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Сейчас, погоди, Люся, – кивнула ей хозяйка, потом повернулась ко мне и отрезала: – Никакой Ксюши у меня нет и не было. Вы ошиблись дверью.

– Но...

– Сказано же: нету здесь таких, ступайте себе, пока милицию не позвала, ходят всякие, выдумывают глупости, – разозлилась Зина, – убирайся, пока цела!

Девчонка, разинув рот, буравила меня взглядом. Видя, что Зина обозлилась до крайности, я выскользнула на лестницу, спустилась на один пролет ниже и села на подоконник. Скорей всего я зашла не в ту квартиру. Может, мне нужна та, что справа?

Послышались шаркающие шаги, по лестнице спускалась Люся, держа в руке яйцо. Увидав меня, она улыбнулась.

– Ксюху ищите?

– В вашем подъезде есть девочка с таким именем? – обрадовалась я.

Люся хитро прищурилась.

– А над нами! Вы же только что в ее квартире были, с тетей Зиной говорили.

Я растерялась.

– Но эта женщина заявила, что никакой Ксюши не знает!

Люся пристроилась около меня на подоконнике, вытащила из кармана кофточка сигареты.

– Она дико на Ксюшу злится, прямо не выносит ее.

– Родную дочь?

– Не, Ксюта ей не родственница.

– А кто?

– Она дочка дяди Вани, ну того пьяного, который на диване спит. – Девушка принялась вводить меня в курс дела: – Ксюхина мама давно умерла, отец ее на тете Зине женился, а у той своя девочка есть, Вера. Вот тетя Зина и принялась Ксюху со свету сживать, все дяде Ване на мозги капала: «Твоя доченька бесстыжая, учиться не хочет, только о шмотках думает, вот моя Верочка...»

Люся остановилась, перевела дух и зачастила дальше:

– Правда, Ксюха и сама хороша. Учиться бросила, с дурной компанией связалась. А потом она тете Зине по полной программе отомстила.

– Каким же образом?

Люся захихикала:

– Тетя Зина дочери на приданое собирала, три тысячи баксов в чулок сложила, а Ксюха их сперла и из дома удрала.

– Когда?

– Да уж больше года прошло.

– И она с тех пор ни разу у отца не появлялась?

– Нет, – покачала ногой Люся, – и не придет. Она мне сказала: «Ну ее, эту Зинку, сама проживу, надоела».

– И отец не искал дочь?

– Ему наплевать, – пожалала плечами девица, – небось и не понял, что Ксюхи рядом нет, бухой всегда!

– И Зина тоже не волновалась?

– Скажете тоже, – фыркнула Люся, – да она полгода ходила по двору и орала: «Не дай бог эта воровка мне на глаза покажется! В милицию сдам, пусть судят за грабеж».

– Неужели никому не интересно, куда подевалась Ксюша? Кстати, ты у нее не видела куртку, вот такую, как на мне сейчас?

– Откуда бы у Ксюхи таким вещам взяться, – протянула Люся, – тетя Зина ей только с Верки шмотки отдавала. Не захочет ее доченька распрекрасная, отличница чертова, чего носить, вот тогда Ксюша это и получала.

– Все-таки странно! Молоденькая девушка убегает из дома, и никто даже ухом не ведет.

– Вадька приходил, – вздохнула Люся, – только тетя Зина его с лестницы спустила. Уж как орала! «Знаю, ты ее подучил, скрипач долбаный».

– Кто такой Вадик?

Люся аккуратно сунула окурок в заботливо поставленную кем-то на подоконник пустую баночку из-под «Нескафе».

– Любовь Ксюхина, не по себе дерево срубить решила.

– Можешь поподробней рассказать?

– Запросто, – усмехнулась Люся, – слушайте.

Ксюша выросла в так называемой неблагополучной семье. Родители тратили все деньги на водку, потом мать умерла, а отец женился на Зинаиде, вполне нормальной по виду женщине, крайне отрицательно относящейся к любому алкоголю. Непонятно, почему Зина решила выйти замуж за Ивана. Их семейная жизнь не заладилась сразу: скандалы, драки. У Зинаиды имелась собственная, горячо любимая дочка, и для падчерицы в ее сердце места не нашлось. Два года назад Ксюша влюбилась, да не в кого-нибудь, а в Вадима Семина, мальчика из благополучной, очень обеспеченной семьи. Вадик учился в консерватории по классу скрипки, носил костюм с галстуком, не ругался матом, не пил в подъезде водку, в общем, был птицей из другой стаи, но по непонятной причине между ним и Ксюшей вспыхнул роман.

– Ксюха по нему умирала, – оживленно сплетничала Люся, – прямо дышать в его присутствии боялась, надеялась, что Вадик на ней женится, только я сразу поняла: ничего хоро-

шего не получится. Впрочем, может, и вышло бы у них чего, не знаю! Ксюха небось, когда деньги стырила, к нему поехала, наверное, родители и дали согласие на брак, когда столько долларов увидели! Они-то Ксюху нищетой считали, а тут три тысячи баксов! С такой суммой и полюбить можно!

– Люся, ты где? – раздался снизу визгливый голос. – За смертью тебя посылать! Сколько можно яйцо ждать!

– Ой, – подхватила девушка, – пора мне.

– Где Вадик живет, знаешь?

– В новорусском доме, – сообщила она, сбегая по ступенькам вниз, – прямо за метро, в нем супермаркет «Перекресток».

Ее щупленькая фигурка исчезла.

– Эй, постой, – заорала я, – а квартира какая?

– Фиг ее знает, – долетело снизу, потом раздался стук, и на лестничной клетке воцарилась тишина.

Тяжело вздохнув, я пошла к метро. Может, этот Вадим, мальчик из хорошей семьи, сумеет объяснить мне: каким образом на Ксюше оказалась белая куртка и куда подевалась Аня? Наверное, юноша все глаза выплакал, разыскивая любимую, да уж, не слишком хорошую новость я ему сейчас принесу, но, как говорила покойная Елена Тимофеевна, лучше ужасная правда, чем неизвестность.

Номер квартиры, в которой проживал Вадик, я выяснила очень легко. Вошла в подъезд, увидела лифтершу и, притворно вздохнув, спросила:

– Не знаете, где мне найти молодого человека, скрипача, Вадима Семина?

– Зачем он вам? – бдительно поинтересовалась дежурная.

– Я сотрудница консерватории, привезла Вадиму ноты, – лихо соврала я, – дом хорошо помню, бывала у Семиных не раз, а квартиру забыла!

Консьержка оглядела меня с головы до ног и, очевидно, осталась довольна, потому что весьма приветливо ответила:

– Он живет на седьмом этаже, поднимайтесь.

Я поехала на лифте вверх, по дороге сообразила, что дежурная не назвала мне номер квартиры, но, когда лифт бесшумно открылся, глаза наткнулись только на одну дверь, самого роскошного вида. В этом доме каждый этаж занимала одна квартира.

Внутрь меня впустила женщина лет сорока, одетая в розовый фартук. Не выказав никакого удивления при моем появлении, она почтительно сказала:

– Ванная вот здесь, полотенчико голубое, абсолютно чистое.

Я молча вымыла руки и спросила:

– Простите, Вадим...

– Он вас ждет, – ответила женщина, – сюда, пожалуйста.

Мы миновали длинный коридор, просторный холл, потом какую-то странную комнату без окон, всю, от потолка до пола, завешанную картинами. В огромных апартаментах стояла музейная чистота и такая же тишина, в воздухе витал легкий запах полироли для мебели. Наконец мы добрались до нужной комнаты. Я слегка удивилась, дверь ее была обита кожей.

Когда-то, до массового появления железных, подобная дверь, обложенная ватой и обитая дерматином, была в нашей с Раисой квартире. У многих в подъезде дерматин был разделен на ровные ромбы «золотой» проволокой. У нас с мачехой денег на эту красоту не хватило. Но внутри жилого помещения я никогда не встречала такого дизайна. Разве только в НИИ, где работала уборщицей, там такая дверь вела в директорский кабинет, и сделано это было из функциональных соображений. Начальство, обладавшее зычным голосом, не хотело, чтобы сидевшие в приемной слышали его разговоры.

– Пожалуйста, – притормозила домработница и распахнула дверь.

Я шагнула внутрь и не удержала завистливого вздоха. Именно так должна была выглядеть моя комната, имея я в кармане столько денег, сколько их было у родителей Вадима.

Вообще говоря, мне грех жаловаться. Всю жизнь я прожила в отдельной квартире, крохотной «двушке». Большинство ребят из моего класса обитало в таких же, и у них на тридцати квадратных метрах толпилось безумное количество родственников. У Ленки Мамалыгиной, например, в десятиметровке жил старший брат с женой и двумя младенцами, а в «большой» комнате ютились остальные члены семьи. У Мишки Каретникова вообще не было кровати, он спал на кухне, на надувном матрасе. А куда, скажите, ему было деваться, когда отец привез из деревни свою безумную мать? Мишкину софу отдали бабке, а другую кровать в квартиру невозможно было впихнуть. Мы же с Раисой жили вдвоем, но своей комнаты у меня не было. Спали мы в «маленькой», а «залу» мачеха превратила в гостиную, там стоял телевизор. Уроки я делала на кухне. Игрушки мои лежали в ящике под кроватью, а книг в нашем доме не водилось. Попав впервые в гости к Томочке, я обомлела, увидев бесконечные стеллажи с книгами, и спросила:

– Зачем вам столько книжек? Только пыль собирать, лучше в библиотеке взять!

Класса с пятого я стала мечтать о собственной комнате, кстати, мечтаю о ней до сих пор. Мне кажется, что у мужа и жены должны быть разные спальни. Никто не мешает супругам укладываться в одну постель, но должна существовать хоть теоретическая возможность закрыть за собой дверь и остаться в блаженном одиночестве. Не знаю, как у вас дома, а у нас в относительном покое можно оказаться лишь в туалете, да и то очень ненадолго.

Годам к двадцати пяти, уже живя в одной квартире с Томочкой, я очень хорошо представляла, чего хочу²: большую, тридцатиметровую комнату. Стены светлые, занавески и ковер нежно-зеленого цвета. Такого же оттенка и накидка на огромной кровати. Никаких раскладных диванов, на которых я сплю всю жизнь, только «стационарная» кровать, с горой подушек и теплых пледов. А около нее должна стоять большая тумбочка с уютной настольной лампой. На одной стене – книжные полки, на другой – картины... Парочка кресел, торшер... Мечтать не вредно, никогда у меня не будет подобной комнаты. Но сейчас я воочию увидела ее, только принадлежит она Вадиму. Впрочем, было тут то, что ни при каких обстоятельствах не оказалось бы в моей спальне. В правом углу громоздился черный концертный рояль, около него стоял пиюитр с нотами, рядом, на специальной подставке, лежала скрипка.

– Когда я вам понадобится, позовете, – шепнула домработница и исчезла.

– Вы ко мне? – раздался с кровати тихий голос.

Я подошла ближе. В горе подушек, укрытый светло-зеленым пушистым, даже на взгляд мягким пледом, полулежал юноша. В руках у него был толстый том.

– Вы ко мне? – повторил он и отложил книгу.

Мой взгляд на секунду упал на обложку: «История взлета и падения Римской империи».

– Меня зовут Виола Тараканова.

– Вадим, – представился молодой человек.

– Ваша домработница, очевидно, приняла меня за врача. Сначала отправила мыть руки, а потом привела сюда.

– У меня бронхит, – пояснил Вадим, – поэтому ходят медсестры делать уколы, каждый раз появляются новые женщины, вот Лариса Михайловна и перепутала. Слушаю вас.

– Я из милиции.

– Откуда? – удивился Вадик.

– Из уголовного розыска.

Парень сел, нашарил тапки, надел их, потом встал и, указав рукой на два кресла, между которыми стояли маленький столик и торшер, церемонно сказал:

² История жизни Виолы и Тамары рассказана в книге «Черт из табакерки», изд-во «ЭКСМО».

– Прошу, присаживайтесь. Никогда не имел дела с правоохранительными органами.

– Вы не получали паспорт? – улыбнулась я.

– Только за документами приходил, – улыбнулся он в ответ, – а в уголовный розыск никогда не обращался! Знаете, я даже детективы не читаю, на мой взгляд, отвратительная литература. Вот уж кого следует привлекать к ответственности, так это их авторов. Вместо того чтобы образовывать русский народ, они потрафляют дурным вкусам, создавая низменные произведения, не имеющие ничего общего с настоящей литературой.

– Я пришла не для того, чтобы беседовать о книгах!

– Да, конечно, внимательно слушаю.

– Вы были знакомы с девушкой по имени Ксюша?

Вадим слегка порозовел.

– Ксенией Савченко?

Я не знала фамилии несчастной, поэтому сказала:

– Девушкой, влюбленной в вас до такой степени, что она даже решила запечатлеть имя «Вадим» на своем плече. Неужели Ксюша никогда не показывала вам тату?

Вадим покраснел.

– Я не просил ее делать эту глупость! Честно говоря, я обозлился, когда увидел татуировку. На мой взгляд, это отвратительно, но у Ксюши имелось собственное мнение по этому поводу.

– Вы любили ее?

Вадим сжал губы.

– А в чем, собственно говоря, дело?

– Она знакомила вас со своими подругами? Знали вы Аню Кузовкину?

– Нет.

– А если подумать?

– Нет.

– Ксения никогда не водила вас в свои компании?

– Нет!

– Ни разу?

– Нет!

Вадим произносил короткое восклицание с самым сердитым видом. Олег называет такое поведение подследственного «уход в глухую несознанку». Я обозлилась: ну, Вадик, погоди!

– Гражданин Семин, ваш гражданский долг дать показания!

– Так рассказывать не о чем, – поморщился Вадим.

– Хорошо, – кивнула я, – можете сейчас молчать. Уйду несолоно хлебавши, но потом возьму у прокурора санкцию на ваше задержание, пришлю сюда патруль, и вас под конвоем доставят в СИЗО, там и побеседуем, правда, не в такой милой и уютной обстановке. Вас, естественно, потом отпустят, но, во-первых, о задержании сообщат в консерваторию, а во-вторых, соседи по дому получают обильную пищу для пересудов. Не удивлюсь, если с вами перестанут здороваться. Объясняй потом, что ни при чем. Как говорят, «то ли он украл, то ли у него украли, но была там какая-то неприятная история».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.